

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Брачный
вопрос
ребром

Елена Ивановна Логунова
Брачный вопрос ребром
Серия «Смешные детективы»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39413104
Елена Логунова Брачный вопрос ребром:
ISBN 978-5-04-097758-1

Аннотация

Журналистке Люсе Суворовой повезло – ее отправили в заграничный пресс-тур. Но когда Люсю едва не убили, а потом еще и обвинили в краже скифского золота, она поняла, что удача от нее отвернулась. Девушка решила, что лучше всего будет на время залечь на дно, и укрылась в старом домике прабабушки. Только спрятаться от всех не получилось – незваные гости один за другим пытаются пробраться на территорию родового именища. Но сдаваться так просто Люся не намерена, ведь для обороны у нее есть все необходимое: стеклянная банка, авоська, пузырек зеленки и даже голливудская суперзвезда!

Елена Логунова

Брачный вопрос ребром

Серия «Смешные детективы»

© Логунова Е. И., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

У кого-то в начале было слово, а у меня – шляпа.

Знала я ее недолго и ничего плохого сказать о ней не могу, да и не говорят плохое об ушедших из мира вещного в мир вечный.

Мы встретились в магазине с претенциозным названием «Мир пальто», и я влюбилась в нее с первого взгляда. В царстве верхней одежды у головных уборов был свой маленький уголок, они теснились в нем и выглядели довольно жалко – как свободолюбивые индейцы в резервации. И только эта шляпа всем своим видом давала понять, что ее дух не сломлен, убеждения крепки, а внутренний мир непременно должен быть богат, что могла обеспечить далеко не каждая голова. Очевидно, именно поэтому прекрасную шляпу до сих пор не купили, хотя она продавалась уже с хорошей скидкой.

Я поняла, что мы созданы друг для друга, и назвала ее Мой Гордый Чингачгук.

Уже на следующий день мы с Чингачгуком вышли на тропу войны. В шляпе и подходящем к ней пальто вид у меня был сокрушительно элегантный, и Петрик, заботливо поправив мне шарфик, уверенно напроорочил:

– Сегодня в твою жизнь наконец войдет идеальный мужчина!

– А ты тогда куда денешься? – хмыкнула я, не спеша уверовать в предсказание.

Во-первых, Петрик далеко не Нострадамус. Во-вторых, его представление об идеальном мужчине существенно отличается от моего. И слава богу, если честно, потому что в противном случае мы бы отбивали друг у друга кавалеров, а это не способствует крепкой дружбе.

Мне бы не хотелось потерять Петрика. Он добрый, чуткий, понимающий и тоже не обрезает кутикулы и предпочитает вульгарной алой эмали бесцветный лак. А еще он готовит бесподобные запеканки, пьет только красное сухое, не курит и вовремя вносит свою половину платы за квартиру, которую мы снимаем на двоих. В общем, Петрик мне как младший брат, старшая сестра и лучшая подруга – три в одном.

– Я никогда тебя не оставлю, моя бусинка! – пообещал Петрик и чмокнул губами воздух, не имея возможности подарить мне братско-сестринский поцелуй в лоб, уже прикры-

тый гордой шляпой.

Бодро цокая по ступенькам каблуками, я вышла во двор и скривилась.

На календаре было двадцать первое апреля, на дворе – восьмидесятое февраля.

Снег, правда, давно сошел, но ночью снова ударил мороз, и замерзшая земля под каблуками звенела, как колокольчики оленей Санта-Клауса. Желтые глазки цветочков, отважно пробившихся сквозь корку прошлогодних листьев, тарасились в небо откровенно шокированно. Вместо ожидаемых пчел в воздухе мощно гудел вопрос: «Доколе?!» Лютикам, как и мне, страстно хотелось, чтобы весна уже отправила зиму по этапу на Колыму – или куда там уходят осужденные обществом метели и морозы.

Я представила себе это в лицах:

– Ты вообще в курсе, что уже двадцать первое апреля? – сквозь зубы спрашивает Зиму Весна, наскоро сооружая высокий начес почкам на вербе.

– Да иди ты! – неуверенно отзывается Зима, стряхивая иней с ресниц и озираясь. – А где же тогда все это – распахнутые окна, реклама кондиционеров и женщины, на бегу переобувающиеся из валенок в босоножки?

– Ща все будет, ты только подвинься! – И Весна щедро брызгает лаком на лютики.

С другой стороны, в наших краях стоит только весне скомандовать столбику термометра «Подъем!», как он рвется

ввысь, точно истребитель вертикального взлета. «Поднимается медленно в гору» – это не про него, а мне не хотелось слишком скоро отправить прекрасную новую шляпу пережить теплое время года на темной полке в шкафу.

Эта шикарная шляпа была первой в моей жизни. До сих пор моя голова имела дело исключительно с функциональными уборами – младенческими чепчиками, трикотажными колпачками, панамками, вязаными изделиями с помпонами и без оных, бейсболками, резиновыми шапочками для бассейна, разнообразными банданами и одной меховой ушанкой, о которой я вспоминаю с сожалением и стыдом, потому что по моей вине ее съела моль.

Шевелюра у меня не особо густая, и прежде я предпочитала ходить простоволосой в любую погоду, чтобы не портить прическу. Ныне же я поняла, что предыдущая жизнь не подготовила меня к ношению шляпы. Как только дунул ветер, стало ясно, что мы можем внезапно расстаться! Уж не знаю, о чем думали производители шляпы, не предусмотревшие ни завязок, ни резиночки под подбородком!

– Мне как держать тебя? Ушами изнутри?! – неласково гаркнула я на Чингачгука, орлом воспаряющего над моей макушкой.

Реакция у меня хорошая. На короткой дистанции через двор непокорная шляпа трижды пыталась взлететь, но всякий раз я вовремя останавливала ее, бесцеремонно шлепая себя ладонью по голове. Должно быть, это сказалось на мо-

их умственных способностях, иначе я сообразила бы, что за пределами двора-коробки ветер будет сильнее, и загодя ухватила бы Чингачгук за поля двумя руками.

Сначала мне везло. Я вышла на улицу и под прикрытием сплошной стены голубых елочек благополучно добралась до светофора. Но когда я чинно-благородно на зеленый перешла на другую сторону улицы, мой Чингачгук решил, что все, зов прерий более игнорировать невозможно. И взмыл стремительно и неудержимо, презрев мой горестный вопль.

И что бы там о себе ни думал мой блудный Чингачгук, определенно выяснилось, что летные характеристики фетровой шляпы гибридной модели «стетсон-канотье» не слишком впечатляющи. Стильная серая шляпа, похожая на радиоуправляемую модель летающей тарелки, взлетела на пару метров вверх, а потом стремительно понеслась наперерез дорожному движению, быстро теряя высоту.

Я малодушно зажмурилась, но поспешно открыла глаза, услышав скрежет тормозов и характерный звук удара.

Холеный «БМВ» въехал в потрепанную «Ладу Гранту». Любимое дитя немецкого автопрома вполне в духе соплеменного порно страстно «поцеловало» одну из скромных дочерей АвтоВАЗа в зад, и третьим лишним где-то под состыковавшимися металлическими телами полегла моя шляпа.

– На ней не написано, что она твоя, – быстро подсказал мне здравый смысл. – Руки в ноги, двигай отсюда!

Поздно. Ошеломленная потерей шляпы и приобретением

моральной ответственности за ДТП, я сусликом застыла на тротуаре, и злой мужик, вывалившийся из поруганной «Лады», мгновенно осудил меня как основную виновницу случившегося.

Ну да, кроме меня в эпицентре драмы находились только толстая бабка с авоськой, школьник с рюкзаком и молодая мамаша с коляской, до краев заполненной чем-то розовым, атласным, в бантах. Никому из этих персонажей, включая младенца, злосчастная шляпа не подходила по стилю, тогда как с моим пальто она сочеталась идеально. Я бы даже загордилась (какой у меня безупречный вкус, а?!), если бы мужик из «Лады» не попытался вызвать у меня совсем другое чувство.

– Ты! – пригвоздив меня взглядом к тротуару, проорал он и на выдохе добавил непечатное. – Да я ж тебя!

– Ты! – с аналогичной интонацией взвыл, выскочив из «бэхи», второй участник ДТП.

Водитель «Лады» отвернулся от меня, и мужики, зловеще цыкая зубами, пошли на сближение.

Я медленно попятилась, задела плечом старуху, закаменевшую – вся внимание! – на манер половецкой статуи, услышала в свой адрес классическое «Ходют тут всякие», машинально пробормотала извинение, повернулась и ускорила.

В десяти метрах впереди был продовольственный магазин, в котором, я точно знала, есть выход на другую сторону

здания...

– Одну минуточку, мадам, – без тени кокетства произнес мужской голос, в других обстоятельствах бывший бы вполне приятным.

Одновременно меня твердо взяли под локоток.

– Между прочим, мадемуазель! – пискнула я, стырив реплику у фрекен Бок из мультфильма про Карлсона.

– Тем хуже, – сказал мой пленитель.

– В смысле? – Я перестала вырываться. – Это угроза или обещание?

– В смысле? – повторил мужик, тоже замирая.

А ничего так мужик – высокий, спортивный, красивый. Не такой красивый, как Петрик – тон лица не идеальный, брови не по лекалу, некогда римский нос чуть свернут на сторону, как у легионера-ветерана, а в целом очень ничего. И стрижка хорошая, и костюм дорогой, и парфюм лишь едва ощутим...

– А что это вы на меня так смотрите? – «Легионер» чуть оробел и выпустил мою руку.

– А что это вы на меня так напали?

– Я на вас напал?! Это ваша шляпа на нас напала!

– Во-первых, где на этой шляпе написано, что она моя? – Я уперла руки в бока.

В крепости занятой позиции можно было не сомневаться. Ярлычки с аккуратно выведенным именем бабуля вшивала в мои одежды только в детском саду.

– Во-вторых, вы сами слышите, какую чушь несете? «На нас напала шляпа»! Кто же вам поверит, что шляпы столь агрессивны и притом поддаются дрессировке!

– А вы наглая! – восхитился мужик.

– Ой, а это что?! – Я демонстративно засмотрелась ему за спину.

Ничего особенного там не происходило, водители выясняли отношения вяло, без мордобоя, но простодушный «легионер» купился и обернулся к дороге, отвернувшись от меня.

Я мгновенно сорвалась с места и уже через пять секунд оказалась на параллельной улице, вихрем просквозив через знакомый магазинчик.

Погибшую шляпу было жаль, но забирать ее останки я не собиралась, чтобы меня не сделали виноватой в случившемся. В конце концов, водители транспортных средств должны быть готовы к такого рода бытовым происшествиям. Подумаешь, шляпу им ветром принесло! А могла кошка выскочить, ветка упасть, метеорит рухнуть...

– Короче, если что, ты чиста, – сказал мой здравый смысл моей же совести.

– О'кей, тогда спокойно сплю дальше, – сговорчиво согласилась совесть и ушла из воображаемого чата.

Увы, происшествие с шляпой не прошло бесследно: на работу я опоздала, потому что с параллельной улицы к трамваю пришлось бежать по кривой, и это меня задержало.

В другой день незначительное опоздание могло бы остаться незамеченным, но сегодня был традиционно тяжелый понедельник, дополнительно осложненный утренней планеркой. По понедельникам планерка у нас Большая – с участием самого Левиафана.

Левиафан – это Федор Левин, основатель и собственник нашего медиахолдинга. Так сказать, владелец заводов, газет, пароходов, в смысле, яхт, а также разветвленного бизнеса, который мы тайно и явно рекламируем в своих изданиях. В общем, Левин – могучая акула капитализма, гигант мысли и просто толстяк. Свое прозвище он не любит, считая его прямым намеком на физические данные, отчасти именно поэтому в кулуарах редакции его называют только так. Журналисты – ребята вредные, я знаю, сама такая.

В коридорах редакции было пусто. На ходу снимая пальто, я рысью проскакала к залу для совещаний, в просторечье – парилке. Дежурящая в предбаннике секретарша Маша укоризненно поклацала акриловым ногтем по циферблату наручных часов. Я в ответ состроила выразительную, но малоинформативную гримасу, швырнула Маше свое пальто, одернула пиджачок и виртуозно просочилась в щелочку приоткрытой двери, надеясь, что явление меня народу останется незамеченным.

Как же!

Строго мордой к двери сидел Вадик – редактор журнала

«Горящий тур» и мой бывший. Уверена, расположился он таким образом именно для того, чтобы своевременно засечь мое появление, привлечь к нему внимание общественности и подставить меня перед высоким и толстым начальством.

– А вот и немцы пришли! – Вадик дурашливо изобразил испуг и с понятным намеком прикрыл руками свою кофейную чашку. – Сейчас начнется: млеко, курка, яйцо!

Шутка была не только неуместная, но и не смешная, но Вадик не отличается остроумием. Его сильные стороны – педантизм и занудство. Я сбежала от него после двух недель совместного проживания, потому что меня достали придирки и претензии по поводу плохо вымытой посуды и неаккуратно отглаженных сорочек. Хотя я нормально мою посуду, а на сорочках не могла отутюжить до фарфоровой гладкости только труднодоступные местечки между пуговками!

Забавно, что именно благодаря последней проблеме я познакомилась с Петриком, с которым и съехала, уйдя от Вадика. У Петрика, который в нашем холдинге работает дизайнером на фрилансе, планки на рубашках всегда были ровные, как пластмассовые линейки. Однажды я не выдержала и спросила, в чем секрет? Оказалось, что Петрик доводит до кондиции труднодоступные участки между пуговицами с помощью утюжка для волос. «Ты гений!» – сказала Петрику благодарная я. «Ты моя бусинка!» – ответил мне польщенный он. Мы пошли пить кофе с пирожными, в процессе изучения меню обнаружили поразительное родство душ,

быстро подружились и очень скоро решили жить вместе. А черствый тупица с завышенной самооценкой (это Вадик) решил, что корыстная стерва (это я) пренебрегла сожителем с «двушкой» в старой хрущевке только потому, что прельстилась новой квартирой в элитном микрорайоне «Бавария». И вот теперь он не упускает случая позвонить на эту тему.

– Люся, опаздываешь. – Наша директриса Марет Игоревна, она же Тигровна, строго блеснула в мою сторону очками.

– Где же хваленая немецкая пунктуальность? – вставил свой шиллинг вредный Вадик.

– Айне майне кляйне шляпа через штрассе полетел, – с самым серьезным видом ответила я, надеясь, что это сойдет за объяснение на немецком.

А что? Между прочим, чистую правду сказала.

Левиафан, величественно дремавший в начальственном кресле на манер дирижабля на приколе, чуть повернул голову, приоткрыл глаза, и наши взгляды встретились.

– Гутен морген, – вежливо пролепетала я, чудом не выпав из образа.

– Кстати, о пиратах! Какая разбойничья морда утащила лишнюю пачку бумаги? Айтишникам не хватило, и они жалуются! – пуще прежнего построжала Тигровна.

Никто, разумеется, не признался. Бумага для принтеров у нас в офисе самый востребованный ресурс, и ни один из отделов, кроме разве что упомянутых айтишников, не в состоянии удержаться в рамках выделяемой квоты. Поэтому сты-

ритель у ближнего своего пачку-другую бумаги – не преступление, а жизненная необходимость.

– Марет Игоревна, почему это кстати? – поправив очки, несколько взвинченно поинтересовался Василий Михайлович – начальник отдела транспорта. – Мы как раз обсуждали важнейший вопрос логистики наших изданий...

– Потому что она сказала «Морган»! – коротко объяснила Тигровна, совершив в мою сторону выпад шариковой ручкой. – А Морган – это пират!

Все снова затихли, переваривая начальственную мудрость.

Я изобразила глубочайшее внимание, прикрыла глаза и зависла, как тот Левиафан, мысленно покидая парилку. Плавали, знаем эту стадию: все действительно важное участники высокого собрания уже обсудили и теперь будут маяться ерундой, вяло цапаясь и обсасывая несущественные детали, чтобы потянуть время и обеспечить Большой Планерке соответствующий хронометраж. А то, может, Левиафан настроился как следует выпастись в удобном кресле, а коллектив легкомысленных торопыг его подведет!

Однако Биг Босс, как ни странно, не спал. Совершенно неожиданно он всколыхнулся, скрипнув креслом, и изрек:

– Да, кстати!

Тут все окаменели, как в знаменитой немой сцене гоголевского «Ревизора». Левиафан крайне редко подает голос на планерках, предпочитая глубокомысленно помалкивать и

что-то там мотать на свой китовый ус, так что народ приготовился внимать божественному откровению.

– Завтра в пресс-тур.

Дзинь! Дзинь! Дзинь! Я явственно услышала, как на паркетный пол посыпались осколки сонного оцепенения. Народ воспрянул и обнадежился: пресс-тур – это лучший вариант рабочей командировки!

Хотя Катю Мальцеву из «Налогового вестника» однажды отправили в пресс-тур по исправительным колониям, где сидят осужденные за экономические преступления, и ей не очень понравилось. О чем она явно не забыла, потому что бдительно спросила:

– Куда?

Левиафан не ответил, лишь покосился на Тигровну.

– В Кишинев, – неохотно ответила та, и мы поняли, что начальница собиралась решить вопрос с бесплатной поездкой в какую-никакую, но все-таки за границу приватно, не будоража коллектив. – «Эйр Молдова» открывает прямой рейс из нашего города, и рекламное агентство, которое обслуживает данную авиакомпанию, организует пресс-тур для продвижения этого начинания.

– Это моя специализация! – Вадик выкатил грудь и только что не постучал в нее кулаками, как Кинг-Конг.

– Ну, не знаю, не знаю, – не повелась на демонстрацию Тигровна. – Тут нужен тот, кто не просто напишет о путешествии. Агентство, о котором идет речь, немецкое, очень

крутое, и клиенты у него соответствующие. Мы должны действовать с дальним прицелом и делегировать в пресс-тур такого человека, который сможет произвести впечатление на организаторов.

И начальница тоже с прямым намеком выкатила грудь, что в ее исполнении выглядело несравненно эффектнее, чем у Вадика, у которого на исходной позиции фасад откровенно впалый, тогда как у Тигровный полновесный четвертый размер.

– Марет Игоревна, прекратите! Это уже какое-то порнокино, – фыркнул Вадик.

Покосился на меня и ехидно добавил:

– Кино и немцы!

И тут случилось неожиданное.

Левиафан медленно и потому особенно внушительно поднял руку, неторопливо – в стиле киношного Вия – сориентировал в пространстве указующий перст и изрек:

– Ее!

– Меня?! – не поверила я, добросовестно отследив вектор.

– Люсю?! – Тигровна тоже не поверила. – Но почему ее?

– Потому что немцы, – ответил Левиафан, возвращая руку на живот и выключаясь.

Вот это да! Переселившись в «Баварию», я, конечно, рассчитывала на некоторое повышение социального статуса, но такие дивиденды даже не планировала!

Я посмотрела на Вадика, до глубины душонки обижен-

ного и оскорбленного в лучших чувствах, тоже медленно подняла руку, сладко улыбнулась и показала посрамленному злопыхателю средний палец.

Некультурно, да, зато какое зримое торжество справедливости!

– Ах, так! Тогда я объявляю забастовку! – визгливо выкрикнул Вадик.

Его голос почти потерялся в скрипе отодвигаемых стульев, но чуткая Тигровна протест уловила и моментально на него отреагировала.

– Всем спасибо, все свободны, а кто хочет поверещать, может делать это в коридоре, – объявила она, и народ, грохоча стульями и топая, повалил к дверям. – Минутку, Люся!

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! – мимоходом нашептал мне неугомонный Вадик.

– Да, Марет Игоревна? – покорно затормозила я.

– Зайди ко мне через полчаса, поговорим о твоём задании.

– Яволь, – буркнула я, ретируясь.

Знаете, каков главный закон жизни?

Нет, это не закон подлости. Это закон равновесия.

Все в нашей жизни сбалансированно. Внезапные пакости уравниваются приятными сюрпризами, за черной полосой тянется белая. Сегодняшний денек обещал быть образцово-показательным: сначала я потеряла шляпу, потом приобрела заграничную командировку.

– По логике, теперь надо снова ждать подлянки, – преду-

предил здравый смысл.

Мне сразу же расхотелось идти на ковер к Тигровне, но уклониться от randevу никакой возможности не было. Поэтому я подкрепилась кофе с булочкой из закров нашего офис-менеджера Василисы Петровны и мужественно переступила с белой полосы на черную.

Рубиконом, как и ожидалось, стал порог кабинета Тигровны.

– Скажи мне, Люся, у тебя совесть есть? – задушевно спросила Тигровна, сняв очки и помассировав веки.

– Тс-с-с, она спит, – ответила я шепотом, еще надеясь смягчить начальство незамысловатой шуткой.

– И это очень плохо, – не подобрела Тигровна. – Потому что в нашем дружном коллективе есть сотрудники, которые гораздо больше, чем ты, Люся, заслуживают такой награды, как бесплатная поездка в одну из стран Европы.

– Это вы про Молдавию-то? – фыркнула я. – Да она даже не полноправный член Евросоюза!

– Отказываешься от поездки? – быстро спросила Тигровна.

– А вот нетушки! – быстро ответила я.

Тигровна вздохнула и побарабанила пальцами по столу.

– Тогда перед отъездом тебе придется ударно поработать, потому что Антипов в знак протеста устроил забастовку.

– С голодовкой, я надеюсь? – оскалилась я, без труда осознав ситуацию. – Или даже с самосожжением?

Было совершенно ясно, что внезапная забастовка Вадика вызвана тем, что сладенький кусочек – заграничную командировку – отдали не ему.

– Насчет голодовки хорошая мысль, Василиса Петровна как раз жалуется на перерасход средств на кейтеринг, – задумалась Тигровна.

– Ты что творишь, негодяйка?! – резко очнулась моя совесть. – Оставишь весь офис без чая-кофе с печеньками!

– И сама без них останешься! – припугнул меня здравый смысл.

– Так что там нужно сделать вместо Вадика? – торопливо сворачивая неудобную тему, спросила я по существу.

– Записать по скайпу интервью с владельцем турагентства. Вот тебе его скайп-логин, интервью пойдет в следующий номер «Горящих туров», вопросы сама придумаешь. – Тигровна протянула мне бумажку.

Я потянулась, чтобы забрать ее, и удостоилась вопроса:

– Что с рукой?

– А что с ней? Ой!

Я и не заметила, что до крови ссадила костяшки на правой руке. И когда это меня угораздило?

– Когда драпала через продмаг, – подсказал здравый смысл. – Помнишь, тебя занесло, ты не вписалась в поворот на выходе, в отмашке задела дверь, а она там стальная.

– Это я в фитнес-клубе на пробное занятие по кикбоксингу неудачно сходила, – выдала я подходящую версию на-

чальнице.

– В следующий раз перчатки надевай, боксерша! – хихикнула Тигровна.

Перевалив на меня задачу Вадика, она повеселела, тогда как мое настроение ухудшилось – говорю же, равновесие.

Вернувшись в редакторскую, я села рассматривать поврежденную руку, и это не осталось незамеченным.

– Лю-у-у-усь! Ты, что ли, с Тигровой подралась?! – шокировалась ведущая светской колонки Анжела. – А по какому поводу?

– Пыталась воспротивиться намерению начальства лишить нас кофе с печеньками, – соврала я.

По офису пронесся дружный стон, слегка размытый торопливым чавканьем. Грядущий дефицит печенок предсказуемо вызвал у коллег острый приступ аппетита. Только баствующий Антипов даже не шелохнулся, так и остался сидеть, скрестив руки на груди и глядя в потолок. Всем своим видом Вадик показывал, что бойкотирует трудовую деятельность во всех ее проявлениях, и я не стала сообщать ему о своей готовности заменить его на информационном поле боя. Пусть сидит и дуется, потом почувствует себя круглым дураком.

Я добросовестно, пусть и без вдохновения, накатала вопросы для интервью и списалась со спикером, договорившись о времени беседы.

Как следует сосредоточиться на работе мешали мысли об утреннем ЧП с ДТП. Немного повздыхав и потерзавшись,

я подошла к редактору автомобильного журнала «Ключ на старт» Саше Веселкину и, потирая пораненные костяшки, поинтересовалась:

– Сань, скажи мне как специалист, дорого стоит поправить разбитую морду нового «БМВ»?

– Суворова! Ты че, собственноручно расквасила морду «бэхе»? – излишне громко восхитился Саня.

– Да как можно, что вы! – тут же влез незванным скучающий безработный Вадик. – Люся же у нас в «Баварии» живет и ни в коем случае не должна бить морды соплеменным автомобилям! Это ведь какая-то гражданская война получится!

– Слушай, Антипов! – психанула я. – Или ты сам заткнешься – или принудительно замолчишь в белую тряпочку типа саван, потому что еще одна такая шуточка – и будет Вадик капут!

Толстокожие и охочие до развлечений коллеги, предвидя зрелищный мордобой, оживленно загудели.

– Ставлю на Суворову! – объявил Веселкин. – В нее сам Левиафан уверовал, чего уж нам-то сомневаться.

– Это мы еще посмотрим, за кем будет победа! – вспыхнул Антипов, ракетой взлетая со стула.

– А наша Люся на кикбоксинг ходит! – донесся от двери голос Тигровны.

Боже, как стремительно распространяется ложная информация!

– Да пошла она... на свой кикбоксинг! – выругался Вадик

и вымелся из редакторской, бесцеремонно потеснив в дверях начальницу.

– Уволю грубияна! – крикнула обиженная Тигровна ему вслед.

– Вот так-то, Суворова, первый раунд остался за тобой, – ободрил меня Саня.

– Дурдом, – вздохнула я и тоже повысила голос: – Марет Игоревна, я скайп-интервью буду дома записывать, у нас тут слишком шумно!

– Да пиши где хочешь, хоть в сортире, главное, чтобы завтра текст сдала! – донеслось из коридора.

– Хитрюга ты, Люся, – обиженно скривилась Анжела. – Я бы, может, тоже предпочла писать колонку, лежа в альфа-капсуле, а сижу тут, как приклеенная, с девяти до шести!

– Пардон, мадам, – неискренне извинилась я, спешно собирая вещички.

Пользуясь милостивым разрешением руководства, драпать из офиса нужно было незамедлительно, пока не прилетела какая-нибудь новая задача.

Наскоро попрощавшись с завистливыми коллегами, из которых ни один не пожелал мне ничего хорошего, я вымелась из редакции и поехала домой.

В свое время по настоянию Петрика, у которого совершенно бескомпромиссное чувство прекрасного, мы сняли квартиру в закрытом новом квартале, созданном по образу и

подобию уютных и благоустроенных европейских городков. И хотя аренда «трешки» влетает нам в копеечку, мы об этом не жалеем, потому что, помимо собственно квадратных метров, имеем роскошные виды и достойный сервис. Достаточно сказать, что за окнами у нас с одной стороны озеро с лебедями, а с другой – классическая ратушная площадь с кафешками и магазинчиками. Так что я буквально у подъезда купила бутылочку красного итальянского вина и чудесную свежеиспеченную пиццу – все что нужно, чтобы отметить удачный день.

Про шляпу, павшую смертью храбрых, но глупых, я предпочла забыть. Тем более что уже к обеду распогодилось, потеплело, и стало ясно, что запоздавшая лентяйка весна у нас не задержится и удалится досрочно, с опережением графика уступив место лету.

Претензий к весне по этому поводу у меня не было: сама ведь ушла с работы раньше времени.

– О! У нас праздник? – совершенно правильно трактовал мое неурочное возвращение Петрик. – Ты наконец сбежала с рудников?

Мой добрый друг искренне считает работу в офисе подлым рабским уделом и давно уже подбивает меня перейти на фриланс.

– Нет, я просто взяла работу на дом, – ответила я, передавая Петрику бутылку и коробку, чтобы избавиться от пальто.

– Судя по тому, что кроме работы ты взяла на дом вино и

пищцу, есть еще какой-то повод возрадоваться? – предположил проницательный Петрик уже с кухни.

– Чпок! – покидая бутылку, оптимистично поддакнула пробка.

– Да, повод есть! Мне совершенно случайно перепала заграничная командировка! – сообщила я, завернув в ванную, чтобы вымыть руки.

– Куда?

К моему выходу из санузла Петрик уже безупречно сервировал стол.

– В Кишинев.

– А это где?

Географию Петрик знает преимущественно в привязке к модным столицам, среди которых главный город Молдавии явно не числится.

– Это столица Молдавии, – объяснила я, присаживаясь к столу. – Теперь она называется Молдова.

– Молдова, Молдова, – Петрик задумался. – Это не оттуда ли Мария Биешу, признанная лучшей Чио-Чио-сан мира?

Петрик – знаток и ценитель оперы. Я – нет, поэтому ответить пришлось уклончиво:

– Вполне возможно.

Петрик тут же с готовностью что-то такое мне напел, но я свернула этот спонтанный концерт, напомнив исполнителю старую добрую истину: «Когда я ем, я глух и нем». Так что пообедали мы в тишине и спокойствии.

А вот потом я пережила стресс.

А могла бы и не пережить!

У меня чуть сердце не остановилось, когда я увидела на экране ноута в скайпе лицо спикера, заявленного на интервью.

Это был тот самый неправильный легионер, который схватил меня за руку на месте преступления, совершенного вообще-то не мной, а моей неразумной шляпой!

Я узнала его мгновенно и реагировала без задержки, стремительно нырнув под стол и таким образом уведя свою физиономию из-под камеры.

– Эй, девушка? Журналистка? Как вас там – Люся? – удивленно воззвал мой удаленный собеседник, увидев вместо ожидаемого девичьего лица размытый инверсионный след, какой возникает в атмосфере за стремительно движущимися летательными аппаратами.

На пути в подстольное пространство я запросто могла бы обогнать реактивный самолет.

Петрик, находившийся вне зоны видимости камеры и вдумчиво втиравший в кисти рук питательный крем (обычный его ритуал после мытья посуды), аккуратно закрыл флакон, поддернул домашние брючки, чтобы они не вытянулись на коленках, присел на корточки и вопросительно поморгал мне, беззвучно интересуясь причиной моего интригующего поведения.

Я лаконичными и выразительными жестами спецназовца

объяснила ему, что мужик на экране не должен меня увидеть, но интервью у него нужно взять обязательно, а посему Петрику следует сей же миг занять мое место за компом и выступить в роли журналистки Люси.

Петрик просиял улыбкой, кокетливо поправил прическу и опустил на стул, приняв наиболее выигрышную позу полубоком.

Люся из него получилась так себе – субтильная и плоскогрудая. Очевидно, легионерское представление о Люсях от данного образа отличалось, потому что дяденька в скайпе неуверенно повторил:

– Люся?

– Да Люся, Люся, – с апломбом заверил его Петрик.

Это прозвучало в точности как в пятой серии мультика «Ну, погоди!», где Волк звонит, спрашивая: «Алло, это Заяц?», и получает нахальный ответ: «Да Заяц, Заяц!»

Я нервно хихикнула и, большей частью оставаясь в своем окопе под столом, вытянутой вверх рукой нащупала сбоку от ноутбука бумажку с подготовленными для интервью вопросами. С намеком постучала по ней пальцем – Петрик все понял и озвучил первый вопрос:

– Добрый день, извините, не расшифровала инициалы заранее, как ваше имя-отчество? Михаил Андреевич? Очень приятно! Давайте начнем наше интервью с небольшого экскурса в историю. Расскажите, пожалуйста, когда и почему вы решили сделать организацию путешествий своим бизнесом?

– Михаил Андреевич, значит, – повторил мой внутренний голос. – Имя у легионера ничего так, нормальное. Не Дормидонтус какой-нибудь.

– А много ли мы встречали Дормидонтусов? – справедливости ради вступилась за этих самых Дормидонтусов моя чувствительная совесть. – И видели ли от них хоть что-то плохое?

Я согласно кивнула.

До сих пор чемпионом по щедро явленному мне плохому был Сашка Карамазов, который неумоимо и разнообразно донимал меня с первого по третий класс. Второе место уверенно занимал Вадик Антипов, а на третье я поставила бы нашего редакционного вахтера дядю Борю, который уже раз десять не пускал меня в офис из-за того, что я забыла дома электронную карту-пропуск.

Если вдуматься, мужчины меня не особенно обижали.

– Это потому, что у них практически не было для этого возможностей, – резонно рассудил мой здравый смысл. – Трудно вредить кому-то на расстоянии, а ты ведь никого к себе не подпускаешь.

– Как будто кто-то рвется, – добавила моя справедливая и беспощадная совесть.

– А ну, заткнулись оба! – велела я.

Не люблю, когда меня критикуют.

Петрик, приняв мои неосторожные слова на свой счет, извинился перед не-Дормидонтусом, заглянул под стол и спро-

сил:

– Что-то не так?

Я жестами показала: «Ой, прости, я идиотка, это было не тебе, продолжай, я не буду мешать!»

– Это была идиотка, – выпрямив спину, передал понятливый Петрик собеседнику. – То есть кошка моя. Ее так зовут – Идиотка.

– В честь кого назвали? – поинтересовался не-Дормидонтус, вероятно заподозрив, что в роду у странной Люси было немало людей, достойных подобной чести.

– В честь лучшей подруги, – не задержался с ответом мой лучший друг, и я злобно зашипела.

– Может, она там голодная, Идиотка ваша? – проявил сердобольность не-Дормидонтус.

– Да ничего подобного, она только что три куска пиццы сожрала! – возмутился Петрик.

Нелестное мнение не-Дормидонтуса об умственных способностях лже-Люси, которая кормит кошку пиццей, наверняка укрепились.

Я боднула болтуна в колено.

– Но вернемся к нашим баранам! – опомнился Петрик, смекнув, что надо продолжать интервью.

– А у вас там не только кошка? У вас и бараны есть? – заинтересовался не-Дормидонтус.

– Бе-е-е! – молвила я только для того, чтобы скрыть истеричный смешок.

– А их как зовут?

– Их не зовут, они сами приходят и приносят с собой пиццу, вино и проблемы! – Петрик пихнул меня ногой, и я вынужденно вылезла из-под стола с другой стороны. – Михаил Андреевич, у меня всего пара вопросов осталась...

В слепой для камеры ноута зоне я с удовольствием распрямилась по весь рост и, послав Петрику воздушный поцелуй, на мягких кошачьих лапах удалилась в свою комнату.

Минут через пятнадцать друг принес мне ноутбук, и остаток дня я честно занималась работой: расшифровывала интервью и писала текст.

То есть вечер я провела с пользой, но безрадостно.

Радости начались утром.

Во-первых, бесценный Петрик приготовил на завтрак сырники с апельсиновым джемом.

Во-вторых, столбик термометра разом подскочил до плюс пятнадцати и обещал не прекращать расти и дальше, на радость всем добрым теплолюбивым людям.

В-третьих, я снова опоздала на работу (сырники доедала), но этого никто не заметил. Коллегам было решительно не до меня: приехал представитель пивоваренной компании, которой мы делали рекламу, и привез несколько ящиков бутилированной благодарности. Робкие возражения немногочисленных отщепенцев, не считающих пиво правильным утренним напитком, решительно отменил Саня Веселкин.

– Это шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты! Пиво же – демократичный напиток, а демократия – это свобода, а свобода – это право пить тогда, когда хочется! – логично рассудил он и ловко сдернул крышечку с бутылки о край стола.

Узрев надругательство над офисной мебелью, наш рачительный завхоз Путятин страдальчески взвыл, но кто-то из мудрых миротворцев сноровисто сунул ему в руку полуведерную керамическую кружку, спешно повышенную в статусе с бульонной до пивной, и густая пена погасила протест.

– Люсюсь, пивка? – заметив меня, спросил Веселкин.

Я поморщилась.

Ненавижу, когда Саня меня так называет! Это его «Люсюсь» неприятно похоже на «лосось», особенно если говорить с полным ртом, как в данном случае.

– Найдн, найдн! Люсюсь наше пиво не будет, – тут же подал голос исполненный притворного сожаления вредный Антипов. – Ей небось настоящее баварское подавай, с соленым кренделем.

– Сам ты крендель, Вадик! – вызверилась я. – Не надоело еще? Хватит меня в немцы записывать, я потомственная казачка!

– О! Люсюсь, а ты шашку возьми и вразуми вражину Вадика по-нашему, по-казачьи! – встрепнулся Веселкин.

– Вразумляют вожжами, – проворчала я. – Шашка к традиционным инструментам педагогики не относится, это во-

первых. А во-вторых, у меня нет шашки.

Кажется, убрать из голоса нотки сожаления не получилось.

– Да как же нет, когда есть?! – Свободной от пивной бутылки рукой Саня подцепил мой локоток и увлек меня в тихий угол, который мы называем «Приют спокойствия».

Наша просторная редакторская организована в модном, но психологически дискомфортном стиле «опен спейс». Почти все помещение насквозь просматривается и невооруженным глазом, и камерами наблюдения, и только один закуток у окна хранит желанную приватность: это аппендикс, образованный здоровенным стальным шкафом сейфового типа. Мы ласково называем шкаф Чурбан Железный и любовно украшаем сувенирными магнитиками, привезенными из командировок.

Помимо магнитиков, на сером боку Чурбана белеет наклейка с категорическим императивом: «В случае пожара выносить в первую очередь!», а на стене рядом висит бумажка, возлагающая ответственность за пожарную безопасность на Марет Игоревну. Поскольку Тигровна намного мельче и в разы легче Чурбана, я люблю повторять, что ни за что не пропущу такое зрелище, как пожар в нашем офисе. Может, даже сама как-нибудь подожгу родную редакцию. Очень уж хочется посмотреть, как ответственная руководительница потащит на себе стальной гроб для слоненка.

– Вот, видишь? Шашка! – Саня кивнул на распахнутый

сейф, в недрах которого, помимо штатного неинтересного содержимого (деньги и документы надлежащим образом хранятся в бухгалтерии), сегодня интригующе блистало золото.

– Это не шашка. – Я осторожно взяла и повертела в руках колюще-режущее оружие с клинком сантиметров в тридцать. – Шашка кривая, а это какой-то кинжал...

– Варвары! – В закуток третьим лишним с трудом втиснулся толстяк Ерофеев – наш спец по историческим материалам. – Конечно же, это не шашка и даже не кинжал! Это знаменитый скифский меч-акинак! Видите? Форма сильно вытянутого треугольника, ромбическое сечение...

– А, это то самое золото скифов! – Я с интересом рассмотрела богатые ножны, передала акинак знатоку и ценителю и искательно заглянула в глубь сейфа. – А где же знаменитое ожерелье?

– А с ним девочки на балконе селфятся, там сейчас свет хороший, – ответил Саня.

– Так что же вы молчали?! – Я растолкала бесчувственных мужиков, торопясь на террасу.

У всех будет фото в легендарном ожерелье, а у меня – нет?! Это недопустимо!

Левиафан, у которого всюду есть влиятельные друзья, выпросил скифские сокровища у музея, чтобы принарядить ведущих нашей утренней телепрограммы Дашу и Диму. Они со дня на день ожидали в эфире ученого гостя с рассказом

о судьбе крымской коллекции скифского золота, и режиссер утренней программы решил, что ведущим неплохо было бы экипироваться в соответствии с темой. У меня лично были сомнения, что Димочка, который одного лазоревого поля ягодка с моим другом и соседом Петриком, будет органично смотреться с боевым скифским акинаком. Хотя, может, это на него наденут ожерелье, а не на Дашку. Вот Дашка у нас бой-баба и с мечом будет выглядеть совсем как Родина-мать, только размера XS...

Мысленно примеряя ожерелье к разным персонажам, я выскочила на террасу и залюбовалась открывшейся мне картиной. Нет, не видом на речной берег в камышах, а коллегам женского пола, четко разбившимися на две группы. Одна имела вид организованной очереди, первой в которой была счастливица, красующаяся в скифском золотом убранстве под объективом камеры собственного мобильного. За ней нетерпеливо переминались еще три девы. Вторая группа расположилась на стульях в характерных позах: барышни уткнулись в мобильники, старательно фотошопя свои свеженькие «себяшечки». Соцсетям предстояло пережить наплыв однотипных фоточек.

– Эй, девчонки, а вы уже придумали общий хэштег? – спросила я, дисциплинированно занимая место в хвосте очереди. – Что-нибудь типа «даскифымы», «даазиатымы» или «царицапростоцарица»?

Девчонки оживились и включили креатив. Террасу огла-

сили веселый гомон и заливистый смех, из офиса на свет божий потянулись наши мужики. Мне это оказалось на руку, так как с толпой любителей пива пришел и наш штатный фотограф Игнат. Камера и вдохновение были при нем, так что я в роскошном ожерелье была запечатлена профессионалом.

– Люсенька, тебе очень к лицу эта пектораль! – всплеснул пухлыми лапками умник Ерофеев.

– Как породистой немецкой овчарке – ошейник с медалями! – влез зараза Вадик.

– Убью, – пообещала я, пошарив глазами по толпе вновь прибывших в надежде, что кто-нибудь догадался захватить с собой скифский меч.

Ничего, что он не шашка, пырнуть Антипова сгодится.

– Не убивай меня, Люся, я сдаюсь! Хенде хох! – Вадик вздернул руки и так и побежал от меня, метнувшейся к нему с рычанием, которое, каюсь, гармонировало с образом немецкой овчарки.

– Пентакль отдай! – заорал бдительный Саня, перехватывая меня в дверях.

– Пектораль, – поправил его Ерофеев.

– Да какая разница!

И пока знаток занудно объяснял тупице, что пентакль – это магический символ, а пектораль – нагрудное украшение, я пыталась настигнуть удирающего Вадика в коридорах редакции, но он коварно скрылся от меня за дверью мужского туалета.

– Все равно я тебя убью! – пообещала я громко, чтобы этот гад в сортире меня услышал.

– Не о том думаешь, Люся! Тебе сегодня в ночь лететь за границу, чемодан пора собирать, а ты еще интервью не сдала! – уела меня Тигровна, величественно выступившая из дамской уборной.

– Сейчас сдам, – пообещала я и зашагала в редакторскую.

Пока расслабленные пивом мальчики и взбодренные фотосессией девочки зависали на террасе, я в гордом и отвратительном одиночестве ударно трудилась на рабочем месте и в итоге успешно отшлифовала корявенькое интервью до блеска.

– Неплохо, местами даже свежо, – неохотно похвалила меня Тигровна, ознакомившись с текстом.

– Тогда – все? Я могу идти домой и собирать чемодан? – обнадежилась я.

– Конечно, только перед уходом сделай новость про молочников, они прислали пресс-релиз, но он деревянный, его еще пилить и пилить.

– Пилите, Шура, они золотые, – недовольно пробурчала я, не рискнув возроптать в полный голос.

Тигровне перечить нельзя. Нужно безропотно соглашаться, а потом делать по-своему.

Вяло помахивая распечаткой деревянного пресс-релиза молочников, я вернулась в редакторскую, обстановка в которой разительно изменилась. Работа кипела, дым стоял ко-

ромыслом...

– Дым? – мой здравый смысл первым почуял неладное. – А откуда дым-то?

Дым был самый настоящий – темный, вонючий и быстро уплотняющийся, как грозовое облако.

– Пожар! Горим! – закричала Анжела и смела в подставленную сумку все мелкое барахло со своего стола.

Чувствовалось, что коллега до автоматизма отработала навык стремительной эвакуации. Хотя обычно это упражнение у нее включает еще и быстрое и бесшумное одевание – у Анжелы богатый женатый любовник, который очень не хочет, чтобы о его связи с красавицей журналисткой узнала законная супруга.

Противно завывала пожарная сигнализация, мертвый голос женщины-робота заиклился оповещением:

– Пожарная тревога! Пожарная тревога! Покиньте помещение! Не пользуйтесь лифтами! Следуйте к выходу согласно плану эвакуации! Пожарная тревога!

Тот эвакуационный план, конечно же, никто не читал, так что вся толпа повалила в одни стеклянные двери, которые закономерно не выдержали натиска и пали, добавив к топоту и паническим выкрикам скрежет, звон и болезненные стоны.

Я обмотала нижнюю половину лица шарфом и тоже двинулась на выход, держась в хвосте толпы и поближе к стене.

Это оказалась правильная тактика – во всяком случае, меня не снес и не раздавил Железный Чурбан, по ширине почти

совпадающий с коридором. Кто так отчаянно и целеустремленно пер стальную шкаф, я не рассмотрела – сознательные граждане, возложившие на себя весомый груз пожарной ответственности, тоже обмотали лица тряпками, но вряд ли среди них была Тигровна. Ее голос доносился снизу, от подножия лестницы.

– Выходим и строимся на парковке! – командовала начальница. – Нужно произвести перекличку и убедиться, что никто не остался в помещении!

Но какое там «строимся»! Автовладельцы первым делом кинулись уводить подальше от очага возгорания свои машины, а остальные разбежались по улице в поисках наилучшего ракурса для съемки горящего здания.

Немного подумав, я размотала шарф и пошла на остановку, чтобы ехать домой. Сейчас мне было не до пожара в офисе.

Вот вернусь из пресс-тура в Молдову – тогда и погуляю по родному пепелищу.

– Ну, наконец-то! – приветствовал меня Петрик, едва я переступила порог. – Ты вообще думаешь чемодан собирать?

Я открыла рот, чтобы ответить, но друг перебил меня новым вопросом:

– Ты откуда такая ароматная? – Он пошевелил носом. – Не пойму, что за запах? Шашлыки, паленая резина, ритуальное окуривание, новый парфюм с нотами дыма и горящего

дерева?

– А бывает такой парфюм? – я удивилась.

– Ха! Да я не сходя с места могу назвать тебе дюжину модных духов со смоку-ароматами, но имей в виду, они все зимние, так что не вовремя ты затеяла смену парфюма...

– Это не парфюм! – Я сняла пальто и вдумчиво его понюхала, проехавшись носом от воротника до подола. – Фу, зараза! Это же чистая шерсть, сколько ж ее теперь проветривать придется...

– Не томи, рассказывай, – поторопил меня Петрик. – Ты присутствовала на аутодафе? Говори, кого жгли, хотя мне даже странно, что не тебя...

– Ничего такого, просто в редакции приключился пожар. – Я сбросила туфли и пошлепала в ванную, на ходу понюхав свой локон и скривившись.

– Серьезно?! Она сгорела? Вся? И бухгалтерия тоже? – Встревоженный Петрик замолотил кулачками в закрытую дверь.

– Я не знаю! Я ушла сразу, как только сработала пожарная тревога! – прокричала я и включила воду.

Когда я вышла из ванной – в махровом халате и полотенце на свежeweымытой голове, Петрик как раз положил телефонную трубку.

– Я немного поболтал с Анжелкой, – сказал он.

– С полчаса всего, – кивнула я.

Петрик подколку пропустил:

– Ты зря меня напугала, противная бусинка! Оказывается, никакого пожара не было! Была дымовая шашка в корзине для бумаг.

– Я работаю с идиотами! – вздохнула я. – Что это за дурацкая шутка – дымовуха в мусорной корзинке? Кому такое в голову пришло?

– Например, Антипову? – предположил Петрик, который недолюбливает Вадика исключительно из солидарности со мной. Вообще-то он уверен, что Вадик продолжает по мне сохнуть, потому, мол, и язвит. – Он запросто мог запалить дымовуху и устроить весь этот шухер только для того, чтобы после пафосно спеть, указывая на тебя: «Враги сожгли родную хату!»

– Даже Вадик не такой дурак, – усомнилась я. – Хотя... С утра в офисе было море пива, а это очень способствует глупым шуткам.

– Ладно, кому положено, те найдут шутника, – свернул тему Петрик. – Ты мне лучше вот что скажи: ты будешь брать с собой те классные цветные контактные линзы или поедешь в Молдову со своими натуральными глазами цвета недозрелого крыжовника?

– Это вопрос или критика?

– Вопрос, и важный.

– И почему же он важный?

– Потому что от твоего ответа зависит, брать ли нам маленький флакон с жидкостью для очистки линз или большой.

– Нам? – я немного подвисла.

Оживляя меня, друг пощелкал пальцами перед моим носом, и я заметила, что он освежил маникюр.

– Нам, нам! Хочу тебя обрадовать: я тоже еду в этот пресс-тур! – объявил Петрик и первым забил в ладоши. – Правда, здорово?

– Правда, – совершенно искренне согласилась я. – Но как так вышло?

– А ты не догадываешься? – Петрик похлопал ресницами. – Ну, подумай, подумай...

– Ты связался с организаторами и сам напросился в поездку?

– Почти угадала. Это ты с ними связалась и слезно упростила найти местечко для лучшего в мире фотографа!

– И как же я это сделала, не имея контактов этих самых организаторов?

– Ну ты тупица! – друг почти расстроился. – Или ты не читала программу, которую тебе сегодня утром прислали на электронную почту?

– Не успела, – повинилась я. – А ты, значит, опять залез в мою почту! Снова делал от моего имени заказ на сайте магазина «Мисс Очарование»?

– Когда ты увидишь, какие у них классные кружевные стринги, скажешь мне спасибо – я и для тебя заказал, – отмахнулся от претензии Петрик. – Так вот, насчет программы. Не знаю, с чего ты взяла, что организаторы – немцы...

– Мне Тигровна сказала.

– Ошиблась твоя Тигровна, нет там никаких немцев, одни молдаване, а региональный организатор – местное турагентство «Вольный ветер», директор которого – угадай, кто?

– Дед Пихто, – ответила я угрюмо, потому что мне уже надоел этот затянувшийся тест на сообразительность.

– А вот и нет! Караваев Михаил Андреевич!

– Не-Дормидонтус?! – ахнула я.

– Кто такой Дормидонтус? – в тон ахнул Петрик, явно плененный звучанием гордого имени. – Ты познакомилась с кем-то, кого я не знаю?

– Это ты познакомился с тем, кого я не знаю и знать не хочу! – вздохнула я. – Дальше можешь не рассказывать, суду все ясно. И да, упреждая твой повторный вопрос, в мои ближайшие планы не входит кому-то строить глазки, так что в Молдову я полечу со своим родным недозрелым крыжовником, без кроющих линз.

– Напрасно, – Петрик неохотно зачеркнул строчку в списке. – Но кто я, чтобы тебя чему-то учить...

Сделав это заявление, он потом весь вечер настойчиво учил меня формировать капсульный гардероб для деловой поездки и укладывать вещи в чемодан таким образом, чтобы они не помялись.

Остаток дня стремительно пролетел в сборах и хлопотах.

Незадолго до полуночи мы наконец легли спать, а на рассвете героически встали по будильнику и поехали в аэро-

порт.

Спать хотелось жутко.

Я отчаянно зевала и жмурилась, пока на досмотре Петрик вдруг не схватил меня за руку, придушенно ахнув, как контрабандист-склеротик, внезапно вспомнивший, что позабыл заблаговременно переложить золотые слитки из карманов в багаж.

Это привлекло не только мое внимание: люди в форме тоже уставились на Петрика выжидательно и с нехорошим интересом.

Я поняла, что сейчас нам устроят тотальный шмон с колоноскопией, и поспешила громко заявить:

– Да выключила я утюг, выключила! Не переживай!

– Что?

Петрик, которому я со значением наступила на ногу, огляделся, оценил выражения официальных лиц и принужденно улыбнулся:

– Просто фобия у меня какая-то – этот утюг! Простите, а где ближайший туалет?

– Он так волнуется, так волнуется! – Я развела руками, заканчивая мизансцену.

Аплодисментов не последовало, да мы их и не ждали. Главное, что уважаемая публика потеряла к нам интерес.

Но Петрик не расслабился. Едва мы вышли за линию контроля, он настойчиво потянул меня к удобствам.

– Тебе и впрямь приспичило? – сочувственно удивилась я.

– Так! Слушай меня внимательно, это важно!

Друг затащил меня в тамбур перед туалетами и постучал своим указательным пальцем по моему лбу так настойчиво, словно хотел проковырять там третий глаз.

– Он здесь! Он тоже летит с нами!

– Кто? Самолет большой, с нами полетят еще минимум сто двадцать человек! – Я шлепнула паникера по руке, сбивая бесцеремонный палец прочь. – О ком вообще речь?

– Речь не вообще, а четко в частности! Я про Караваева говорю!

– Он тоже здесь? – Я оглянулась, но дверь из тамбура в зал была закрыта. – Ну и что?

– А то, что для него я Люся!

– И что?

– А то, что Люся – ты!

– И что?

– Ах, боже мой! Проще сделать, чем объяснять! – Петрик со скрежетом расстегнул молнию на своей сумке. – Стой смирно!

Я замерла.

Бормоча «Ах, как удачно я вчера освежил свою прическу золотым мелком!» и «Как хорошо, что ты не подкрасила отросшие корни, с гладко зачесанными волосами в фас сойдешь за шатенку!», Петрик с ловкостью, достойной опытного гримера, стянул мои полудлинные волосы в хвост.

Влажной салфеткой он стер с моих губ красную помаду, снял свои приметные очки в оранжевой оправе, надел их на меня, поморгал, присматриваясь, и неуверенно, но с ощутимой надеждой резюмировал:

– Пожалуй, теперь на беглый взгляд нынешняя ты вполне сойдешь за вчерашнего меня.

– Грудь себе забрать не хочешь? – съязвила я.

– Хочу, но это нереально, так что грудь втяни, – велел супергример. – Или нет, давай мы ее шарфом замаскируем. Вот так! Теперь можем выходить.

– Петя, это плохо кончится, – предупредила я, осторожно двигаясь в ту сторону, где предположительно находился выход в зал ожидания (уверенности в правильности направления у меня не было). – Я в твоих очках слепа, как крот, а ты слеп, как крот, без них. Мы так далеко не уйдем!

– Нам далеко и не надо, – ответил Петрик.

И неожиданно оказался прав.

Буквально в дверях мы врезались в нужного человека.

– Простите, девушка, но это мужской туалет! – возмутился знакомый голос.

Черт, и снова обстоятельства не те, чтобы я сочла его приятным...

– А я как раз веду туда вот этого юношу! – ответила я, сделав шаг вбок, чтобы не-Дормидонтус оказался лицом к лицу с Петриком. – Помогите бедняжке, Михаил Андреевич, он почти слепой.

– Ах, помогите, помогите же мне! – жалобно заныл «слепой бедняжка», с ловкостью цирковой обезьянки перебираясь с меня на Караваева.

– Мы знакомы? – Благородный джентльмен не смог сопротивляться Петрику, настойчиво увлекающему его в мужской туалет.

– Конечно, знакомы! Я же Люся! – покричала я им вслед. Опровержения не последовало.

Фу-у-ух...

Я сняла очки и вытерла вспотевший лоб.

Кажется, замена Люси на поле прошла успешно.

Я покинула аппендикс с удобствами, дождалась выхода «слепого бедняжки» с поводырем и отцепила пальчики Петрика от чужого рукава. Дружище отцепляться не хотел, но я была настойчива.

– Где-то я вас видел... Это с вами я разговаривал по скайпу? – спросил Караваев, одолеваемый понятными сомнениями.

– Конечно, со мной, и, кстати, спасибо за интервью, мне особенно запомнились ваши слова о том, что миссия турагентства – раздвигать горизонты! – я дословно процитировала один из идиотских перлов, изреченных уважаемым спикером в ходе пресловутого интервью. – Если найдете минутку, разъясните, пожалуйста, почему вы говорите о горизонтах во множественном числе? Планируете туры на другие планеты?

– Вот в этом вся Люся Суворова – такая язва! – с доброй улыбкой посетовал Петрик.

Он снова незряче потянулся к Караваеву, но я перехватила его ищущую руку и зафиксировала ее на собственном локте.

– А я Петя Карамзин, арт-фотограф, – представился мой друг.

– Слепой фотограф?! – определенно, у господина Караваева сегодня был день открытий.

– Не умаляйте творческий потенциал инвалидов, это нынче крайне непопулярная позиция, – строго сказала я. – Гомер был слеп, Пулитцер тоже, а еще Галилей, Диана Гурцкая...

– Стиви Уандер, – подсказал Петрик.

– Да! – подтвердила я. – К тому же Петя не совсем слепой, вставит линзы – прозреет и будет о-го-го!

– Я всегда о-го-го! – обиделся Петрик.

– Рад за вас, – пролепетал заметно обалдевший Караваев и по-английски потерялся за кормой.

По инерции я протащила Петрика еще метров двадцать и затормозила только у автомата с кофе.

– Надо выпить, – убежденно сказала я и отдала «слепому гению» его очки. – Надевай, Караваева мы уже обманули, кажется, он поверил, что Люся – это я. И что я – Люся очень странная...

– Так какой же это обман? И то и другое чистая правда! – хихикнул Петрик.

Он надел очки и завертел головой, с интересом осматриваясь.

– Не в курсе, кто еще из коллег летит в пресс-тур? – спросила я. – Хотелось бы знать, что за компания соберется.

– С нами из Краснодара еще две тетеньки из муниципального турбюро, но сразу по прилете в Кишинеv будет сформирована сводная группа, – бодро доложил Петрик. – Кроме нас в нее войдут журналисты из Москвы, Питера и Екатеринбурга.

– То есть безудержное веселье начнется только в последний день, когда все как следует перезнакомятся, а сегодня можно не активничать, – уверенно заключила я, вспомнив опыт подобных поездок. – Отлично! Тогда в самолете я буду спать.

– Валяй!

И я завалилась.

Место мне досталось у иллюминатора, рядом сидел один Петрик – в ряду на каждой стороне было всего по два кресла, авиадебоширов и пассажиров с вопящими детьми поблизости не оказалось, так что спать мне никто не мешал.

За два часа полета я лишь однажды проснулась, чтобы съесть сэндвич с курицей и выпить стаканчик вина. И то и другое раздавали приветливые бортпроводницы.

– Бесплатное вино в эконом-классе – это серьезная заявка на успех! – оценила я сервис национального перевозчика Молдовы.

– Ну, за успех! – Петрик аккуратно приложился своим стаканом к моему и завертелся, вывинчиваясь в проход.

Я было подумала, что ему стринги жмут, но увидела, что Петрик пошел в хвост самолета чокаться с Караваевым.

Тот, судя по выражению лица, и рад был бы оказаться неузнанным, но слиться с креслом не сумел. Куда ему, от зоркого глаза Петрика не смог укрыться даже настоящий хамелеон, которого Петрик как-то снимал для буклета мини-зоопарка!

Помнится, они с хамелеоном разошлись во мнениях относительно того, какое количество дублей может выдержать безропотная жертва фотографа-перфекциониста: Петрик уверенно ориентировался на бесконечность, а хамелеон сбежал уже через час, но был опознан как инородная заплатка на шторе и возвращен на лобное место под софитами.

Хамелеона мне тогда было жалко.

– А теперь, похоже, пора жалеть Караваева! – подсказала мне интуиция, подающая голос редко, но метко.

– Не виноватая я, он сам пришел, – пробормотала моя совесть.

– Ой, бросьте, они взрослые мужики, сами разберутся! – припечатал здравый смысл.

– Лишь бы без мордобоя! – вздрогнула я.

Однажды Петрик уже промахнулся с объектом пылкой страсти – по ошибке выбрал настоящего мужика и банально получил в глаз. Это не особо травмировало его морально, но

пробило дыру в нашем бюджете, не предполагавшем покупке дорогого тонального крема оптом и брендовых солнцезащитных очков очень сложной конфигурации – чем попроще расплывшийся на пол-лица синяк прикрыть не получилось.

Мне не хотелось начать визит в Кишинев с поиска магазинов, где можно прикупить ведро тоналки и маску сварщика: такой амбал, как Караваев, способен одним ударом кулака изменить рельеф фейса Петрика, как Тунгусский метеорит – лицо Земли.

– А вот и я! – Все еще нормально рельефный Петрик вернулся из забега в хвост авиалайнера целый, невредимый и довольный. – Мишель передает тебе привет.

– Уже Мишель?

Петрик привстал, обернулся и игриво пошевелил пальчиками. Я тоже поднялась, оглянулась, нашла взглядом Караваева и фыркнула. Приветливый «Мишель» был мрачен, как распорядитель похорон.

– Мишка, Мишка, где твоя улыбка? – напела я, подтолкнув локтем Петрика.

– Мишка еще просто не осознал своего счастья, – самоуверенно ухмыльнулся мой друг.

Хороший пресс-тур похож на пулеметную ленту, практически без пустот заполненную патронами, в роли которых выступают новые места, события, люди и впечатления.

Такой пресс-тур, продолжая аналогию с оружием, непре-

менно выстрелит – организаторы во множестве получают во-
зделенные публикации.

Минус у насыщенного пресс-тура только один: для жур-
налистов это сомнительный отдых в стиле «пикник на пе-
редовой». Вроде и кормят тебя, и поят, и развлекают, а ты
все строчишь и строчишь, не отрываясь от гашетки, то есть
планшетки...

К вечеру первого дня в Кишиневе мой блокнот разбух от
записей, а голова – от впечатлений.

Несмотря на то что нас всюду, за исключением церквей
и музеев, щедро поили бодрящим местным вином (а может,
и поэтому тоже), не оставлявшее меня с утра желание за-
фиксироваться в пространстве на неподвижном объекте ти-
па «кровать» только усиливалось. Когда уже в сумерках нас
привезли в отель, мной владел лишь один порыв – тот са-
мый, относительно которого были сомнения у мямли Гамлета:
упасть, забыться, умереть, уснуть, без вариантов!

И мне было практически все равно, где спать и с кем, так
что я не примкнула к протесту столичных коллег, возмущен-
ных проживанием в двухместных номерах.

– Это просто неприлично! – зудела тощая столичная да-
мочка, весь день с удивительной изобретательностью нахо-
дившая поводы для недовольства буквально на ровном ме-
сте. Про себя я назвала ее Московской Хныксой. – Жить с
незнакомым человеком? Ходить перед ним в неглиже? Слу-
шать его храп?!

– Донимать его своим нытьем?! – в тон подсказал ей жизнерадостный журналист-сибиряк – щекастый и вихрастый, как повзрослевший, но не изживший младенческую пухлость купидон.

Я уже запомнила его имя – Денис. Это было нетрудно. на каждой из многочисленных дегустаций сегодняшнего дня парнишка подчеркивал, что является практически тезкой древнегреческого бога виноделия. Я оценила это простое и элегантное обосновывание неутолимого интереса к содержанию бутылок.

– Донимать его своим нытьем! – послушно повторила Хныкса, и все засмеялись.

К жалобам Хныксы присоединились только изрядно потрепанный провинциальный плейбой – диктор какой-то небольшой околостоличной радиостанции – и пожилой фуд-блогер из породы «упитанных, но невоспитанных». Их резоны были ясны: мужики успели положить глаз на симпатичных игривых журналисток из братской Белоруссии и явно надеялись под покровом тьмы продолжить ощупывание уже не глазами.

– А тут такой облом! – без малейшего сочувствия к обманувшимся донжуанам хихикнул Петрик.

У него-то все было в шоколаде: ориентируясь исключительно на паспортные данные о половой принадлежности гостей и ничего не зная об особенностях сексуальной ориентации конкретно Пети Карамзина, организаторы опрометчиво

поселили моего друга в одном номере с нашим новым знакомым Мишелем. Петрика это вполне устроило, а Караваев еще был не в курсе постигшего его счастья в личной жизни, потому что неразумно задержался в ресторане, где все мы ужинали.

Я не без сочувствия к несчастному «легионеру» представила, как он, расслабленный винцом, вваливается среди ночи в номер, где его встречает Петрик в коротком черном кимоно, идеально подчеркивающим длинные белые ноги...

Ой, что будет!

Мне, кстати, повезло даже больше, чем Петрику: неизвестная журналистка, с которой поселили меня, должна была прилететь поздно ночью. Так что я без помех выбрала в двухместном номере лучшую кровать, без спешки приняла душ и спокойно уснула.

Дверь я заперла, резонно полагая, что моей соседке при заселении выдадут собственную карту-ключ, но среди ночи была безжалостно разбужена настойчивым стуком.

– Иду! – недовольно буркнула я, шагая к двери и на ходу завязывая пояс гостиничного халата, чтобы раньше времени не шокировать незнакомую даму знанием того, что я сплю голый.

Но за дверью была совсем не дама.

Вернее, не совсем дама.

Там был Петрик, тоже облаченный в гостиничный халат. В дверь он стучал ногой, а руками прижимал к левой половине

лица сложенное вчетверо махровое полотенце.

– Мишель все-таки дал тебе в глаз? – вздохнула я, пропуская друга в свой номер.

– С чего ты взяла? – Петрик рухнул в кресло.

– Ну, тырываешься ко мне среди ночи, прижимая к лицу гигантский тампон из полотенца...

– Ты все неправильно поняла! Полотенце – это всего лишь шумоизоляция, – объяснил Петрик. – Под ним у меня мобильник, в котором Анжелка, а ты же знаешь, какой у нее пронзительный голос и как она орет в трубку, когда волнуется. Мне не хотелось разбудить Мишеля, он что-то неприщиплив, должно быть, очень устал...

Я посмотрела на часы, которые показывали, что карета уже с полчаса как превратилась в тыкву, и резонно поинтересовалась:

– А что в такое время ночи у тебя в мобильнике делает Анжелка?

– Бьется в истерике! – с удовольствием объяснил Петрик и зажмурился, явно наслаждаясь аудиоспектаклем.

– Ее бросил любовник?

– Вовсе нет.

– Она поправилась на полкило?

– Холодно.

– Сломала ноготь?

– Все еще холодно.

– Ее уволили?

– Уже теплее!

– А, то есть проблема имеет отношение к работе, – смекнула я. – У нас в офисе появилась новая красотка-сотрудница?

– Даже не знаю, что сказать.

Петрик уронил свое шумоизолирующее полотенце, ласково напел в трубку: «Курочка, я перезвоню!» – спрятал замолчавший мобильник в карман халата и продолжил:

– Ты почти угадала, только все наоборот. Не появилась новая сотрудница, а пропала старая.

– Кто?

– Ты!

– Я? – Я посмотрелась в зеркало над столом. – Чего это я старая?! И я вроде как на месте!

– Ошибаешься. – Петрик показательно построжал и заговорил с узнаваемыми интонациями Тигровны: – Ты, Люся, вовсе не на месте, потому что таким, как ты, Люся, самое место в местах лишения свободы!

– Это еще почему? – Я на всякий случай присела, пока не на нары – на кровать. – Что я сделала?

– Ты украла ожерелье скифского царя! – уличил меня Петрик.

Но тут же выпал из образа, чтобы посетовать:

– Боженьки, какие восхитительные были времена: хоть весь увешайся золотыми украшениями – никто не скажет, что ты не мужик!

– Минуточку! – Я заволновалась. – Ты не шутишь, мужик? Какая кража ожерелья? Вчера утром оно было в редакции, и только ленивый его там не примерил!

– Вот именно! Ты тоже его надевала и, говорят, никак не хотела потом снимать.

– Я просто ждала, пока меня с ожерельем запечатлит профессиональный фотограф! – Я шумно выдохнула и попыталась успокоиться. – Ты можешь толком объяснить, что случилось?

– Толком? В пересказе Анжелки? – Петрик скептически хмыкнул. – Ладно, попробую. Как я понял, из сейфа в редакции бесследно пропали меч и ожерелье... Хотя нет, не так: сначала из редакции пропал сам сейф!

– Сейф вынесли при пожаре, я видела, – кивнула я.

– А кто вынес?

– Не знаю, какие-то люди с замотанными мордами.

– Бедуины?!

– Офигел?! Какие бедуины?!

– Бедуины заматывают морды.

– Грабители поездов на Диком Западе тоже заматывают морды!

– Да, это явно более подходящий пример, – охотно согласился Петрик. – Короче, по всему выходит, что злая шутка с дымовой шашкой была лишь частью коварного плана. «Пожар» позволил злоумышленникам беспрепятственно вынести из многолюдной редакции сейф – его нашли на заднем

дворе, за мусорными баками, уже вскрытым. А золотые побрякушки скифов пропали! И ожерелье, и меч.

– Понятно, что пропали, они были просто прелесть, – я кивнула. – Непонятно, почему в этом обвиняют меня! Ясно же, что я никак не могла упереть тяжелый сейф!

– Во-первых, у тебя могли быть здоровенные мускулистые помощники, – Петрик поиграл собственными номинальными бицепсами. – А во-вторых, ты вспомни, кто неоднократно во всеуслышание заявлял о своей готовности поджечь редакторскую, чтобы полюбоваться выносом этого самого сейфа?

– Я заявляла, но это же была шутка!

Я схватилась за голову.

– Следовательно теперь это будешь объяснять, – развел руками Петрик. – В редакции все уверены, что это ты коварно сперла золото скифов и сразу же вывезла его из страны, воспользовавшись удачно подвернувшимся заграничным пресс-туром.

– Тогда не я одна, а мы вместе! – Я попыталась перевести стрелки. – Я и ты, мой мускулистый друг и помощник!

– Э, нет, не пытайся по-братски разделить со мной свой тюремный срок, – не сдрейфил Петрик. – На пожаре меня вовсе не было, и о моем отъезде в Молдову никто не знает, я даже Анжелке об этом еще не сказал. Она думает, что я дома сижу.

– Хитрый ты.

– Не хитрый, а добрый: не хотел, чтобы бедная девушка

умерла от зависти.

– Так...

Я энергично потерла лоб, пытаясь пробудить сонный разум, но тщетно.

– И что мне со всем этим делать?

– А ничего, – пожал плечами мой друг. – Ты же еще не подключила роуминг? Вот и не подключай, поживи чуток без телефона. Прямо сейчас ты вне зоны доступа и никакие разборки тебе не грозят. А к тому моменту, когда мы вернемся, специально обученные служивые люди, весьма вероятно, уже найдут настоящего похитителя побрякушек.

– Неплохой план, – согласилась я, поскольку ничего лучше не придумала, да и спать хотела, как ноябрьский медведь. – Тогда давай, до свиданья! Увидимся утром за завтраком. Пламенный привет Мишелю.

– Кстати, о Мишеле...

Петрик явно был не прочь поговорить о новом знакомом, но беспощадная я грудью выдавила его из номера.

С моей грудью это не так уж сложно.

Закрыв дверь, я вернулась в постель, немного побила подушку, мстительно представляя на ее месте сплетницу Анжелку, и легла спать.

– Кстати, сейф не обязательно было тащить со второго этажа по всем коридорам и лестницам, – без тени сна в голосе задумчиво молвил мой здравый смысл. – Он ведь стоял у французского окна, которое как раз выходит на задний двор.

Вполне реально было вывалить Железного Чурбана за низкий подоконник. Пожалуй, с этим ты справилась бы даже без мускулистых помощников.

– Глядишь, и вскрывать коробочку не пришлось бы, от удара о землю она сама распахнулась бы, – против воли вовлекаясь в преступный сговор, поддакнула я.

– Но получилось бы слишком шумно, все бы услышали, – включилась в процесс планирования моя совесть. И спохватилась: – То есть это причинило бы неудобство другим людям!

– Конечно, только поэтому преступники вынесли сейф на руках! – саркастически заметила я. – Чтобы никого не обеспокоить лишним шумом! Такие добрые!

– И умные, – уважительно добавил здравый смысл. – Как ловко тебя подставили!

– Думаешь, это не случайность? То, что преступницей сочли меня?

– Ой, чую, что не случайность... – тихо прошептала моя интуиция.

Однако никаких фактов в поддержку или опровержение высказанного мнения у нас пока не было, и мы коллегиально решили отложить решение этого вопроса «на потом».

С чем и уснули.

День начался хорошо – с основательного завтрака и легкой пакости.

Шведско-молдавский стол в отеле порадовал большим выбором еды и напитков, среди которых после вчерашних дегустаций особенным спросом пользовались цитрусовый сок и крепкий кофе.

В очереди к кофеварке я оказалась перед Караваевым, который зачем-то попытался сделать вид, будто мы незнакомы, чего я, разумеется, не стерпела. Будут еще тут всякие меня игнорировать!

– Доброе утро, Михаил! – сказала я громко. – Как вам спалось? Активный Петрик не досаждал?

Вообще-то я имела в виду ту активность, которую мой друг проявил, шастая глубоко за полночь из номера в номер, но Караваев расценил невинный вопрос как гнусный намек и окрысился:

– Будь вы мужчиной, я вызвал бы вас на дуэль!

– Стреляться из-за Петрика? Ну уж нет! – Я пренебрежительно дернула плечиком. – Поверьте, лично я на него не претендую.

Караваев покраснел. В его лазоревых глазах я отчетливо, как на голубом телевизионном экране, увидела страстное желание меня придушить.

– Вот это совсем другое дело! – удовлетворенно молвил мой условно здравый смысл. – Наконец-то сильное чувство! А то смотрел как на пустое место...

Недрогнувшей рукой я налила себе кофе и, отчаливая к своему столику, наградила надутого Караваева светлой

улыбкой и добрым пожеланием:

– Приятного вам аппетита... Во всех смыслах!

Эхом на мое задорное подмигивание у Караваева задержался левый глаз.

– Бессовестная ты, – с удовольствием констатировал здравый смысл.

– А? Что? Где? – встрепелась моя совесть.

– Спать! – скомандовала я ей.

Она привычно подчинилась.

– Да, поспать еще было бы неплохо, – согласилась моя соседка по номеру и столу.

Она вселилась уже на рассвете, в восемь ноль-ноль безропотно встала по моему будильнику и, пока не заговорила, выглядела как типичный пассивный зомби. Кастинг на роль в фильме «День живых мертвецов» соседка прошла бы с первого дубля.

– Люся, – представилась я, рассудив, что уже можно: в соседке проявились зачатки разума. – Журналист из Краснодара.

– Маша, – зевнув, сказала соседка. – То есть Катя. Блогер из Москвы.

– Кофе, Катя? – Я поставила перед сонной девушкой свою чашку, рассудив, что ей кофе нужнее.

– О да! – Зомби пугающе дернулся, сцапал чашку и присосался к ней с жадным бульканьем, более подходящим вампиру.

Решив, что разговоры можно отложить, ибо негоже отвлекать полутруп от нелегкого процесса возвращения в мир живых, я молча уткнулась в свою тарелку, и мы позавтракали с той приятностью, которую мне никогда не дарит общество болтливого Петрика.

Потом всю нашу группу загнали в автобус и повезли осматривать достопримечательности в окрестностях Кишинева.

Экс-зомби Катя села рядом со мной, направила себе в лицо струю прохладного воздуха, низко надвинула капюшон толстовки и почти сразу уснула. Отгороженная ее телом, я оказалась в некоторой изоляции и с легкой досадой наблюдала, как в передней части автобуса формируется ядро компании.

Оно рождалось, как планета: из пылегазового облака, притянутого молодой звездой. В роли звезды по собственной инициативе выступала игривая белорусская блогерша. Газом и пылью вокруг нее вились жаждущие женской ласки мужчины, на болтовню и смех подтягивались остальные – журналисты люди общительные.

В пылегазовом облаке я с удивлением заметила Петрика. Он не обхаживал Караваева, уединившегося в хвосте автобуса, сменив тактику вместе с амплуа: сегодня мой друг играл рубаху-парня, который заливисто хохочет над чужими байками и мастерски травит свои. Наверное, предполагалось, что надутый сыч Караваев из своего темного угла следит за

этим шоу, проникаясь восхищением в адрес нашего самого обаятельного и привлекательного.

Я обернулась и посмотрела.

Надутый сын Караваев зыркнул на меня на редкость злобно и тут же отвернулся к окну.

– М-да, непохоже, что эта черствая личность вообще способна проникнуться нежными чувствами, – отметил мой здравый смысл.

– Да ну его к черту! Ой, прости, Господи, – я сконфуженно оборвала ругательный пассаж, потому что мы как раз подъехали к очередному монастырю.

– Молдавский Гранд Каньон – так в шутку называют эту местность местные, – сообщил гид. – С древних времен здесь река точила известняк, и образовались стены семидесяти-метровой высоты. В них множество пещер, действующая часовня и кельи скального монастыря.

– Мужского или женского? – тут же деловито поинтересовался кто-то из экскурсантов.

– Ай, да какая разница! – взмахнул ухоженной ручкой Петрик.

– Тебе-то точно никакой, – пробурчал угрюмый голос в хвосте автобуса.

Я обернулась и укоризненно посмотрела на Караваева.

– Что? – спросил он с вызовом. – Не нравлюсь?

– Ой, да мне-то зачем, вы и так уже при поклоннике, – съязвила я, обидевшись на грубость.

Вот не собиралась же хамить, а как удержишься?

– А мы пойдем в пещеры? Я очень люблю пещеры! – закатила глаза белорусская блогерша.

Ее свита тут же загомонила, что пещеры – это действительно круто и маршрут нашей экскурсии непременно должен быть проложен через них.

Гид морщился и неубедительно лепетал про опасных коров, которых местные жители пасут на ближних подступах к пещерам. Мол, коровы дикие, дружелюбия чуждые, политесу не обученные, и приближаться к ним не рекомендуется, так что в пещеры мы ни ногой, чтобы не попасть на рога.

На самом деле мегарадушные, в отличие от соплеменных коров, организаторы молдавского пресс-тура составили такую насыщенную программу экскурсий, что любое отклонение от намеченного маршрута могло сорвать весь график. Гиду же явно не хотелось нарушать расписание.

Мрачный тип Караваев, впрочем, придумал другое объяснение.

– Не удивлюсь, если в этих пещерах местные жители прячут какую-нибудь контрабанду или в промышленных масштабах тайно гонят самогон, – сказал он, пересев со своей Камчатки на место позади меня.

– Вы всегда думаете о людях плохо? – поинтересовалась я, кротко посмотрев на ворчуна через щель между креслами.

– О вас я думаю хорошо, – заверил он меня (по-моему, недостаточно искренне). – Я думаю, вы умная девушка, спо-

собная понять и принять выгодное предложение.

– Петрика убивать не буду! – предупредила умная и догадливая я.

– Зачем же сразу убивать? Просто держите его как-нибудь подальше от меня, вот и все!

– А что мне за это будет? – я не забыла, что предложение рекламировалось как выгодное.

– Ну, например, я не стану требовать, чтобы вы оплатили ремонт моего помятого BMW...

Я тихо выругалась.

– Вспомнили, где меня видели, значит...

– Ну! – Мрачный тип заметно повеселел. – Вас выдавала склонность к эффектным головным уборам!

Тут я безмолвно прокляла кумачовую косынку с логотипом родного медиа-холдинга, которую по причине ветреной погоды лихо повязала на пиратский манер. Белый кружок логотипа пришелся аккурат на середину лба, и я досадливо постучала по нему кулачком:

– У-у-у, я сглупила!

– Не убивайтесь так, ведь так вы не убьетесь, – своеобразно успокоил меня отвратительно наблюдательный Караваев. – Ну, мы договорились? Спасите меня от этого вашего Петрика, и мы начнем знакомство с чистого листа.

– Люся, – вздохнув, я просунула в щель между креслами ладошку.

– Миша, – пожал мою лапку Караваев. – Предлагаю вы-

пить за знакомство.

В амбразуре между сиденьями показался круглый бок бутылки. По запомнившейся этикетке я опознала продукцию местного винзавода. Ничего так продукция, надо признать...

– Да не капризничай ты, все же к лучшему: за разбитую машину ты ничего не должна, одним обвинением меньше, – подбодрил меня здравый смысл.

– Осталось откреститься от поджога офиса и кражи ожерелья, – добавила совесть.

Уж лучше бы молчала! Настроение мое, едва поднявшись, снова упало.

– А наливайте, дядя! – неожиданно включилась в разговор моя соседка Катя. – Что ж такое, я уже полдня в стране, которую ООН объявила столицей винного туризма, и до сих пор трезва как стеклышко!

– Чего это я вам дядя, я еще не такой старый, – заворчал Караваев, но бутылку послушно откупорил.

Пластиковые стаканчики у него тоже нашлись, и, пока наш гид безуспешно отбивался от любителей побродить по пещерам, мы с Мишей и Катей распили бутылочку чего-то красного.

Вот так и вышло, что в катакомбы я вошла слегка нетвердой поступью и с поплывшим взглядом. А в катакомбах этих царил вечная тьма, да и под ногами отнюдь не паркет был, так что пришлось мне хвататься то за стены, то за кого-то бредущего рядом.

По причине отсутствия электрификации посмотреть в катакомбах было особо не на что. Только одна пещера, наиболее легкодоступная и, видимо, обязательная для посещения, была оснащена многочисленными церковными свечками. В неверном свете подрагивающих огоньков тускло поблескивали оклады икон и монетки в каменных ямках на стенах.

Разнокалиберных монеток было много, местами они покрывали камень – как встопорщенные чешуйки драконий бок. Я подивилась тому, что дедуля монах, хозяйничающий в скальной часовне, не собирает денежный урожай, как это делают смотрители фонтанов в Риме, например. Все микроскопические ямки-кармашки метра на два от пола были заполнены монетками, в некоторых уже высились денежные столбики. Я с трудом нашла отверстие, в которое затолкала свой честный рубль – гид сказал, это приносит удачу.

– Не думаю, что размер удачи зависит от номинала монеты, но исключать такую вероятность нельзя, – подал голос мой здравый смысл. – Поэтому не жлобься, у тебя в отделе для мелочи есть десятирублевки, давай-ка, раскошеливайся.

– Удача тебе пригодится, – поддакнула интуиция, и я послушно озаботилась тем, чтобы щедро нафаршировать скальный камень своими кровными.

Для этого пришлось пройти подальше в глубь катакомб, куда еще не добрались туристы в массе своей.

Стоило отойти от освещенной часовни шагов на десять, как стало совсем темно и очень неудобно, но я не сдрейфила,

потому что знала, что не одна тут. Рядом, периодически толкаясь в узком пространстве локтями, экономно подсвечивая себе мобильниками и иногда приглушенно – из уважения к святому месту – чертыхаясь, возились мои коллеги.

Очевидно, всем нужна была удача. И у всех было полно неликвидной мелочи.

Старательно процарапывая ребром монеты кармашек в податливом сыром известняке, я упустила момент, когда осталась совсем одна и в полной темноте. Мой собственный мобильник лежал в сумке, я не использовала его как фонарик, экономя заряд: в этой поездке айфон мне нужен был главным образом для того, чтобы делать снимки.

– Спокойствие, только спокойствие! – голосом Карлсона призвал меня здравый смысл. – Люди где-то рядом, тебе слышны их голоса. Не паникуй, иди на звук.

Это был разумный совет, и я попыталась ему последовать, но уже на втором шаге вписалась лбом в камень. Стукнулась несильно, так что боли не почувствовала, но обиделась, поэтому сказала здравому смыслу:

– Сам иди! – и, не уточняя маршрут, вслепую пошарила в торбе в поисках светящегося мобильного телефона.

Успешно нашла его (что удивительно), включила – и сразу же увидела руку помощи.

Она призывно тянулась ко мне из-за скального выступа.

– О, спасибо! – поблагодарила я неизвестного спасителя, вкладывая в его руку свою.

Другой рукой я опустила в карман ветровки экономно выключенный мобильник.

Сухие теплые пальцы крепко сжали мою холодную ладошку, и невидимка повел меня так неторопливо и уверенно, ровно, без рывков, словно мы с ним были не в пещере, а в бальном зале.

Моя романтическая натура встрепенулась. Теперь меня терзало любопытство, а не страх.

Воображение широкими мазками нарисовало картину «Тайный поклонник спасает прекрасную Люсю из мрачных катакомб».

Здравый смысл попытался было раскритиковать это героико-романтическое полотно, но я велела ему заткнуться и дать прекрасной Люсе помечтать хотя бы пару минуточек.

Как и здравый смысл, я понимала, что тайный поклонник вот-вот превратится в заурядного типа из числа моих коллег-журналистов, так что долго обманываться фантазиями на тему благородных принцев, спасающих прекрасных дам, у меня при всем желании не получится.

Возможно, именно поэтому шла я, крепко зажмурившись.

Так, кстати, было лучше слышно, так что я могла льстить себе мыслью, будто отчетливое сопение моего сопровождающего есть признак его великого волнения. Воображение даже набросало картину «В порыве чувств тайный поклонник дарит прекрасной Люсе страстный поцелуй», и я с удовольствием любовалась эскизом секунды три-четыре.

Потом невидимка галантно пропустил меня вперед и мягко отнял руку, словно в финале танца.

Я машинально изобразила подобие реверанса, сделала еще шаг вперед и...

Полетела в пропасть!

– Господи, благослови китайскую швейную промышленность! – с искренним чувством провозгласил мой здравый смысл, когда стало ясно, что от падения в бездну меня спасла ветровка.

Ее капюшон на редкость удачно за что-то зацепился и только покрякивал натужно, предположительно простым китайским языком докладывая дура-хозяйке, что долго не выдержит.

Дура-хозяйка тем временем задыхалась, поскольку завязки капюшона перетянули ей горло, заодно лишив возможности вопить от страха и звать на помощь.

Ноги прекрасной дуры судорожно елозили по обрыву, осыпая вниз мелкие камни. Камни с шорохом катились по крутому откосу и барабанной дробью сигналили о своем прибытии вниз, куда чуть раньше с мягким стуком упала моя увесистая торба.

Я не могла с уверенностью определить высоту обрыва, но здравый смысл истошно орал мне в уши: «Держись, дура!» – и это был тот редкий случай, когда я и не думала с ним спорить.

Держалась я за выступающий камень слева от себя и гладкий голый корень справа. Хотя, возможно, это был не корень, а древняя кость какого-нибудь первобытного обитателя этой проклятой пещеры. Да какая разница?! Я бы и за рога самого черта ухватилась! Воссоединяться с сумкой внизу решительно не хотелось.

Господи, благослови, в самом деле, производителей спортивной одежды и обуви! Страшно подумать, как все обернулось бы, не облачись я с утра в ветровку из прочной синтетической ткани и крепкие ботинки на рифленой подошве.

Энергично побив пятками стену, на которой я распласталась, как приговоренная к вивисекции лягушка на лабораторном столе, я уяснила, что это не скальный массив, а спрессованная земля с вкраплениями корней и камней (возможно, еще костей и рогов). Под пятками стенобитных кроссовок в культурном слое образовались ямки, я постаралась расковырять их и получила кое-какую опору для ног.

Заодно перестала задыхаться.

– А теперь замри! – велел мне здравый смысл, упредив мой истошный крик «Спасите, помогите!». – Не ори, не шепурши и затаи дыханье!

И снова я вынуждена была признать, что он прав.

Падающая сумка и мини-лавины каменного крошева и земляных комьев произвели немало шума, но тайный поклонник не лежал на животе на краю пропасти, высматривая канувшую в бездну прекрасную Люсю и причитая: «О горе

мне, горе!»

Значит, это совсем не горе для него.

Значит, он нарочно завел меня в такое опасное место.

Значит, помощи от него я не дождусь, а вот спихнуть меня окончательно эта сволочь не затруднится.

И я затаилась на срок, показавшийся мне самой бесконечным.

Минут на пять, наверное!

Все это время я с замиранием сердца ждала, что над головой моей прошелестят шаги и злорадный голос скажет мне в ухо: «Бу!» – после чего я получу пинка и полечу-таки вниз.

Но ничего такого не случилось.

Минуты шли, тишина только уплотнялась.

– Ладно, теперь согни в колене правую ногу и выбей ямку повыше, – скомандовал здравый смысл. – Потом повтори то же самое с левой ногой. Приподнимешься – пошарь вокруг себя руками, авось найдешь, за что еще ухватиться. И не спеши!

Я не спешила, прекрасно понимая, что спешка в данном случае смертельно опасна, а мне решительно не хотелось умирать.

Стиснув зубы, я поклялась себе, что постараюсь прожить как можно дольше, и, как никогда прежде, отчетливо осознала, что жизнь есть борьба. И просто борьба, и женская борьба в грязи, и кикбоксинг, и подтягивание с отжиманием, и даже спортивное ориентирование – все вместе!

Никогда ранее, ни в одном великолепно оснащенном спортивном зале я не выкладывалась так, как в этой пещере!

Приблизительно через миллион лет силовых тренировок мои руки нащупали край обрыва, и спустя еще век-другой моя попа воссела на горизонтальную поверхность. Руки у меня болели, ноги тряслись, расцарапанные пальцы с обломанными ногтями наверняка кровоточили, из передавленно-го завязками горла вырывались пугающие хрипы, но я чувствовала себя рожденной заново.

Прекрасная дурочка Люся превратилась в какое-то новое существо. В нем было что-то от неуничтожимого Терминатора, что-то от мстительной фурии и что-то от Штирлица, который никогда еще не был так близок к провалу.

Осознав, что последнее – буквально, я, не вставая, задним ходом отползла подальше от края и, привалившись к стене, устало обмякла.

Мне нужно было отдохнуть и подумать, что делать дальше.

Итак, число моих жизненных достижений пополнилось давно ожидаемым: я достала кого-то настолько, что меня захотели убить.

– Не факт, что именно тебя, – уточнил здравый смысл. – Может, ты просто под руку подвернулась.

– То есть преступник не планировал сбрасывать меня с обрыва?

– Может, он вообще никого не планировал сбрасывать,

но подвернулся такой удобный случай, что просто не вышло удержаться.

– То есть это было такое спонтанное покушение? Как говорится, ничего личного?

Тут я задумалась, пытаюсь понять, успокаивает меня такая версия или обижает.

Я, честно скажем, не подарок, так что желание убить меня время от времени возникает у самых разных людей. Но быть убитой за дело – это одно, а стать жертвой без всякой на то причины, просто потому, что я оказалась не в то время и не в том месте, – это очень обидно.

– Я этого так не оставлю, – пообещала я. – Теперь моя очередь уничтожить этого гада!

– Сначала его нужно найти, – напомнил здравый смысл.

– Ты, кстати, уверена, что это был именно гад, а не гадина? – подала голос совесть.

– Не уверена, – вздохнула я и попыталась вспомнить, как выглядела рука то ли гада, то ли гадины.

Все, что я могла сказать с полной уверенностью – пальцев на той руке было пять и принадлежала она не негру. Точнее определить расовую принадлежность гада/гадины я не могла, так как наблюдала преступную руку недолго, всего пару секунд, и в свете мобильного. То есть это вполне могла быть длинная рука сицилийской мафии, японской якудзы, арабского терроризма или боливийского наркокартеля – оттенки цвета кожи в голубоватом сиянии айфона различить было

сложно.

– Я все же думаю, это был мужчина, – поразмыслив, сказала я. – На пальцах не было колец, а на ногтях – цветного лака.

– Отлично, значит, можно исключить из числа возможных преступников всех, у кого есть яркий маникюр, то есть прекрасных дам и Петрика, – обрадовался здравый смысл. – Под подозрением остаются пять мужиков-журналистов, один гид и Караваев.

– Караваев мне, если честно, особенно подозрителен, – призналась я. – Он мог лишь притвориться, будто простил мне поврежденный BMW. А еще именно он перед самым посещением пещеры напоил меня вином, которое нарушило мою координацию и притупило бдительность!

– Мне как-то неловко это говорить, но я должна заметить, что вы забыли еще про дедушку-монаха, – напомнила моя совесть. – А ведь он лучше всех знает эти катакомбы и наверняка в курсе существования опасного обрыва.

– Дедушке-то зачем кого-то убивать? – шокировалась я. – Он же монах, святой человек!

– Да мало ли! – здравый смысл был неподкупен. – Служители культов – не ангелы. Может, дедуля только прикидывается добрым христианином, а сам тайно практикует языческие жертвоприношения. Может, там, под откосом, уже груда костей!

Воображение не затруднилось нарисовать мне талантлив-

вую копию картины Верещагина «Апофеоз войны» – со сложенным из черепов курганом, увенчанным моей сумкой.

Это напомнило мне о необходимости произвести ревизию имущества и оценить понесенные потери.

Во-первых, я потеряла собственно сумку, а она была дорогая, кожаная, ручной работы. Ладно, будет повод купить новую. Аминь.

Во-вторых, вместе с сумкой меня покинул бумажник с наличкой и банковскими и скидочными картами. Тоже аминь, не трагическая потеря: наличных денег в бумажнике было мало – в пресс-туре я пребывала на всем готовом, так что успела поменять на молдавские леи всего-то двадцать евро.

Монеты из отдела для мелочи я уже инвестировала в щелочки пещерных стен, скидочными картами готова была пожертвовать, а банковские легко можно восстановить по возвращении на Родину. При этом без средств к существованию я не осталась, потому что моя зарплатная карта привязана к мобильнику, и я всегда могу расплатиться за покупки в магазине и снять деньги в банкоматах, приложив к считывающему устройству свой телефон. А телефон я перед самым полетом в пропасть удачно переложила из сумки в карман ветровки!

– Как чувствовала, – попыталась напроситься на комплимент моя интуиция.

Не дождалась – не пришло еще время для вручения награды. Ясно было, что моя молдавская спецоперация толь-

ко-только началась.

Кроме бумажника, в сумке лежал отличный «молескиновский» блокнот со свежими записями, и вот его-то мне было очень жаль. Также огорчила пропажа дорогих солнцезащитных очков. А вот ручкой, расческой, пудреницей, помадой, антибактериальными салфетками, жвачкой, леденцами и даже запасным свитером я готова была пожертвовать с легкостью.

В общем, ничего безмерно ценного в сумке не было. Слава богу, загранпаспорт я оставила в ящике прикроватной тумбочки в номере отеля. Кстати, карта-ключ от номера тоже осталась при мне, так как поутру я сунула ее в задний карман джинсов.

– Дуракам везет, – подытожил мой здравый смысл.

– Везенье, везенье... Помилуй бог, да надо же когда-то и уменье! – парировала я знаменитой фразой победоносного полководца Кутузова.

Мы устроили небольшой совет в Филях и коллегиально решили, что наиважнейшими из умений для нас сейчас являются кино и цирк, то есть конспирация и маскировка. Мало ли, вдруг покушение было все-таки адресное, именно на меня, и вдруг покушавшийся меня увидит, узнает и пожелает добить.

Поэтому, отдохнув и успокоившись, насколько это было возможно, я не вылетела из пещеры с криком и писклявыми жалобами, как вспугнутая летучая мышь. Наоборот,

я еще немного задержалась, дожидаясь появления следующей группы туристов и без помех и неизбежного народного неодобрения выковыривая из настенных дырочек монетки покрупнее. Насобирала восемь евро и почувствовала себя вполне состоятельной дамой: на автобус до Кишинева и на такси до ближайшего банкомата мне точно хватит!

Ветровку свою, некогда желтую, а теперь цвета хаки, что, оказывается, вполне справедливо переводится с персидского как «грязь», я, морщась, вывернула наизнанку и надела белой подкладкой наверх. Ничего, что «нутрянка» ветровки дырчатая и швы торчат наружу, мода нынче демократичная, такой фасон никого не смутит, а меня будет намного труднее узнать.

Приметную красную косынку я, кстати, где-то потеряла, а жаль. Относительно чистая тряпочка пригодилась бы, чтобы оттереть пятна на джинсах, потому что руками я только размазала грязь по штанам. Ничего, получился вполне убедительный камуфляж – очень модная расцветка, между прочим.

Наконец явилась следующая группа экскурсантов. Вредина Вадик, находишь он тут со мной, оборжался бы: то были немцы! Я грамотно затесалась в их ряды и вышла из пещеры в гомонящей толпе, для пущей мимикрии убежденно приговаривая: «Йа, йа! Дас ист фантастиш!»

У подножия горы немцев ждал автобус. В приступе вдохновенной наглости я села в него вместе с настоящими арий-

цами и уже через сорок минут была в Кишиневе.

Мелодичное пение телефонного аппарата в номере я услышала еще в коридоре. Сначала вообще не хотела подходить к телефону, потом решила все-таки снять трубку и молча послушать, кто звонит.

Звонил Петрик.

– Люська, это ты? – спросил он строго. – Люська, не молчи, я же знаю, что это ты! Ты сопишь, как ежик!

– Это горничная, – пропищала я.

– Как же, горничная-дворничная! – Петрик фыркнул. – Как по-молдавски «доброе утро»? А «благодарю вас»? Молчишь? Не знаешь! Так какая же ты горничная?

– Грубая и невоспитанная, – ответила я своим обычным голосом.

Петрик уел меня, по-молдавски я успела выучить только одну короткую фразу «Хай норок!» – традиционный тост, частым пунктиром проходящий через любое здешнее застолье. Из уст вышколенной горничной это ничем не спровоцированное пожелание прозвучало бы странновато.

– А еще ты жестокая и бессовестная, – заклеил меня друг. – Сбежала без предупреждения и оставила меня одного! Ты куда запропастилась?

– К счастью, все же не запропастилась, – оценив, как точно Петрик угадал со словом, я нервно захихикала.

– Ну чего ты ржешь? Ржет она. Социофобка!

– Кто-о?!

– Белорусская блогерша Сашенька диагностировала у тебя социофобию. Так и сказала: «Я в этом разбираюсь, у этой вашей Люси явно социофобия: она такая угрюмая и держится особняком», – Петрик очень похоже изобразил манерный голос нашей новой звезды.

– А с чего вы вдруг стали обсуждать эту нашу Люсю? – поинтересовалась я угрюмо.

В социофобы они меня записали! А чего сразу не в психопаты?

– А с того, что ты не отозвалась на перекличке в автобусе, и гид спохватился, что отряд потерял бойца, – объяснил Петрик.

– Вот! Чужой человек спохватился, а ты, Брут! – я перехватила инициативу, и теперь уже Петрику пришлось оправдываться.

– Я не заметил, как и куда ты пропала, я как раз открытку покупал! Я там такую редкую открытку нашел – с изображением святых мучеников Сергия и Бахуса, вступающих в братский союз. А ты же знаешь, наверное, мнение английского историка Босвелла, автора книги «Однополые союзы в Европе до Нового времени»?

– Откуда мне? Я же не белорусская блогерша Сашенька, чтобы все знать, – съязвила я.

– Так знай, что Сергий и Бахус могут считаться покровителями однополых союзов!

– То есть ты себе иконку прикупил, на счастье в личной жизни? Понимаю. А я...

Я уж было собралась рассказать другу свою драматическую историю, но он перебил меня:

– А ты уехала на попутке, уже знаю, тебя Караваев видел.

– Внимание! – насторожился мой здравый смысл. – Похоже, не зря мы подозревали Караваева!

– Что видел Караваев? – напряженно уточнила я вслух. – Что я уехала из скального монастыря на какой-то левой тачке?

– Ага, он успел заметить в окошке отъезжающей машины твою красную косынку и сказал об этом гиду, – подтвердил Петрик. – После этого все и решили, что у тебя социофобия и низкий уровень гражданской сознательности. Ну, или шило в заднице, и, взбодренная им, ты помчалась осматривать достопримечательности по своей собственной программе. А я же волнуюсь! А у тебя же мобильник выключен! Я уже и тебе в номер звонил, и Караваеву тоже. Думал попросить его сходить и проверить, в отеле ты или нет.

– То есть Караваев вас тоже покинул досрочно? – смекнула я.

– Да, мы его высадили по пути из скального монастыря на очередной винзавод. Бедняжка сказал, что еще после вчерашних дегустаций не оправился и нуждается в тихом отдыхе.

– Сделал свое черное дело и пошел гулять смело! – пред-

положил мой здравый смысл. – В смысле, спихнул тебя в пропасть и не видел интереса в продолжении экскурсионной программы. Конечно, такой экшн, как убийство, уже ничем не перебьешь! Тихий отдых ему после всплеска преступной активности понадобился!

– А ты почему сбежала? Тоже головка бо-бо? – спросил Петрик.

– Да все у меня бо-бо, хочу под душ и отлежаться, – призналась я, не покрывив душой.

О подробностях решила не распространяться.

Незачем втягивать в эту сомнительную историю Петрика. Сама разберусь.

Для полного понимания уточнила еще:

– А ты откуда звонишь?

– Так из ресторана же! – ответил он. – Нас привезли ужинать, ты приедешь? Я тебе место занял поближе к мясу, как ты любишь.

– Нет, я уже поела, не волнуйся, – соврала я. – Вам всем приятного аппетита.

– Ладно, моя бусинка, чмоки! Чао-какао!

– Какао-макао!

Успокоенный Петрик положил трубку.

Я сделала то же самое и устало опустилась на кровать, но не смогла усидеть на месте – было ощущение, что нужно срочно и решительно действовать.

Я бесцельно пробежалась по номеру, периодически зами-

рая на месте, как в игре «Море волнуется раз».

В отличие от морского, мое собственное волнение неуклонно нарастало и достигло пика, когда я в очередной раз застопорилась у самой входной двери.

Так совпало: в этот момент в коридоре тихо щелкнул замок.

Отель, где нас поселили, был небольшим, и в тупиковом ответвлении коридора, помимо моего номера, находилась лишь еще один. Вчера я отметила это как явный плюс: в соседях у меня были только Петрик с Мишелем.

– Петрик сейчас в ресторане, для визита горничной с дежурной уборкой поздновато, значит, объявился этот подозрительный тип – Караваев, – рассудил мой здравый смысл.

– Точно, – согласилась я.

И приложила к двери ухом.

Чуткий музыкальный слух не подвел, определив, что по коридору с приглушенным рокотом прокатился чемодан на колесиках. Звякнул прибывший лифт. С шипением открылись и снова закрылись двери подъемника.

В наборе характерные звуки уверенно свидетельствовали о том, что сосед Петрика досрочно отправился на выход с вещами.

Я метнулась к окну, выходящему на улицу, и примерно через минуту созерцала именно то, что и ожидала увидеть: Караваев вышел из отеля, загрузил чемодан в багажник такси, сел в машину рядом с водителем и отчалил в неизвест-

ном направлении.

Задолго до окончания пресс-тура!

В высшей степени подозрительно!

Если киллеры действуют не так, то я зря годами смотрела голливудские боевики!

– Значит, так. Бегом в душ, потом одеться, собраться и тоже валить отсюда на всех парах, – предложил мне план действий то ли здравый смысл, то ли нездоровый авантюризм – я не стала разбираться.

Просто там еще интуиция в полный голос орала, что надо спешить.

Получасом позже я вышла из номера и двинулась к лифту, волоча за собой чемодан и встряхивая непросохшими волосами, эти действия, наверное, придавали мне некоторое сходство с лошадью, впряженной в громыхающую бричку. К счастью, оценить театральную миниатюру «Гнедая Люся мчит по коридору» было некому – я никого не встретила.

На стойку рецепции, расположенную в соседнем корпусе, я не поехала. Выйдя из лифта на первом этаже, сразу же выкатилась через боковую дверь во двор, а оттуда в проулок. Через полквартала поймала такси и уже минут через сорок была в аэропорту.

– Это мы удачно зашли! – прокомментировал здравый смысл объявление, звучащее под сводами аэровокзального комплекса: «Уважаемые пассажиры, у стойки номер двенадцать начинается регистрация на рейс двенадцать тридцать

четыре авиакомпании «Эйр Молдова» в Краснодар».

Я снова надела снятые было запасные солнечные очки, короткими перебежками наведалься к упомянутой стойке номер двенадцать, осторожно выглянула из-за опорной колонны и убедилась, что Караваев с чемоданом мирно стоит в очереди на регистрацию.

Альтернативная версия о том, что мужик малодушно сбежал в другой кишиневский отель, дабы не подвергаться домогательствам Петрика, разбилась, как моя вера в людей.

Такой приличный с виду мужчина – спортсмен, легионер, наконец, просто красавец! Культурный – не матерился даже на Петрика, щедрый – поил нас с соседкой винишком, внимательный – узнал во мне хозяйку преступной шляпы-автовредительницы! И нате вам: оказывается, он мстительный пещерный псих, безжалостно убивающий во мраке бедных Люсь!

– Может, это все же не он, – тихо предположила моя совесть.

– Да как – не он?! – возмутился здравый смысл. – У него был повод – разбитая тачка, это раз. Он затаил обиду за подколки по поводу Петрика, это два. Он загодя одурманил потенциальную жертву вином, это три. Он сказал гиду, что видел, будто Люся уехала на случайной машине, это четыре. Наконец, он наплевал на пресс-тур и поторопился смыться с места преступления как можно скорее и куда подальше – в другую страну, это пять. Раз, два, три, четыре, пять – можно

и арестовать!

– Арестовывать – это не наше дело, – возразила я, прикидывая, как бы мне улететь домой в Краснодар поскорее, но при этом не одним рейсом с Караваевым.

Не хотелось, чтобы он так быстро узнал, что я жива.

У покойников есть свои преимущества: от них никто не ждет активных действий. Ну, кроме некромантов и медиумов, к числу которых Караваев вроде не относится.

– А следствие вести – это, значит, наше дело? – правильно угадал мои намерения здравый смысл.

Я только пожала плечами.

Может, кто-то такой добрый, что все прощает, даже не интересуясь, за что его приговорили, но это точно не про меня. Я любопытна и злопамятна, так что в поисках правды и справедливости, как я их понимаю, дойду до края!

– Ну, на краю ты уже недавно была, – напомнил здравый смысл, чем только пуще разозлил меня-фурию.

Я купила билет на перелет в Краснодар через Москву и, стоя в очереди на регистрацию, поклялась себе, что полностью отомщу за свои страдания на краю пропасти тому, кто в них повинен. Предположительно – Караваеву, а там посмотрим, может, еще кому-то тумачков обломится, я не жадная.

Петрику я уже перед самым вылетом отправила эсэмэску: «Обо мне не волнуйся, наслаждайся пресс-туром, дома все объясню».

Дружище, конечно, все равно весь изведется, но не от тревоги, а от любопытства, а это, как правило, не смертельно.

Дома я была в четвертом часу утра. И хорошо, что не раньше и не позже: можно было надеяться, что меня никто не видел.

Необходимость уйти в глубокое подполье сделалась мне ясна, едва я вошла в квартиру, которая выглядела примерно как в старом мультике со словами «просто приходил Сережка, поиграли мы немножко».

Сережка к нам приходил не иначе как с обыском и был отнюдь не деликатен. Дом, милый дом превратился в хлев, гнусный хлев!

Вообще-то мне и раньше было известно, что даже самый талантливый интерьер-дизайнер не способен преобразить жилое помещение так разительно, как я в поисках запропастившегося предмета одежды. К примеру, если я в спешке не могу отыскать парные чулки, я просто вываливаю все содержимое бельевого ящика кучей на пол и уже там произвожу энергичные раскопки в стиле голодной собачки, сохранившей приятные, но смутные воспоминания о припрятанной косточке.

Но я расшвыриваю только собственное барахло, не распространяя беспорядок на территории Петрика, а воображаемый Сережка был подобной деликатности чужд. Он пронесся по картине как торнадо. Как типичный тропический

ураган с ласковым именем!

Красоту и уют, любовно наведенные преимущественно Петриком, бесследно поглотил первобытный хаос.

На полу высились кучи вываленной из шкафов одежды и обуви, из ящичков комода белыми флагами свешивалось бельишко, лишённые содержимого книжные полки походили на беззубые челюсти. В кухне как будто великанский ребенок креативно поиграл с цветным песком: и стол, и пол – все было засыпано крупами и специями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.